

Василий Боярков

НАПРОСИЛИСЬ:

ОНА

ИДЕТ

УБИВАТЬ

16+

Василий Боярков

Напросились... она идёт убивать

«Автор»

2019

Боярков В.

Напросились... она идёт убивать / В. Боярков — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-94857-0

Вихрева Мария обманута лесными бандитами и вероломно завлечена в их тайное поселение. Жестокий главарь, ранив бедную девушку в ногу, сообщает, что она является беспомощной жертвой и подвергается лютой «охоте». Не оставив другого выбора, беспощадный разбойник великодушно позволяет ей углубиться в дремучую чащу. Убегая от злобных преследователей, Маша случайно сталкивается с прежним возлюбленным Ковровым Иваном. Некогда он являлся спецназовским офицером, но с недавнего времени считается как «пропавший без вести». Вместе они решают вступить в неравную ожесточённую схватку.

ISBN 978-5-532-94857-0

© Боярков В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава I. Трое в машине	8
Глава II. Лесная заимка	12
Глава III. Операция и первая жертва	17
Глава IV. Еще двое	22
Глава V. Мучительные видения	27
Глава VI. Нежданная встреча	32
Глава VII. Разговор по душам	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Василий Боярков

Напросились... она идёт убивать

Пролог

В мае 1996 года, в период самого тёплого весеннего месяца, жителю города Томска Борисову Виктору Пáвловичу исполнилось восемнадцать лет. Он едва успел сдать государственные экзамены и получить выпускной аттестат, как его тут же призвали на срочную военную службу.

Молодой симпатичный юноша, он оказался без вредных привычек, занимался активным спортом, не выделяясь высоким ростом, имел коренастое, крепкое тело. Отличительные черты, отчасти дарованные природой, а частью добытые личным усердием, сказались на выборе его служебного назначения; он распределился в тихоокеанский флот – прямиком на подводную лодку.

Время, проведённое в учебном центре, пролетело махом, практически незаметно, и пришла пора действительной службы. Новоиспечённый матрос попал в сплочённый морской коллектив, где их с товарищами приняли радушно, как будто своих. Чётко выполняя поставленные задачи, Виктор заслужил глубокое уважение как равнозначных сослуживцев, так и кадровых командиров. Вот так, по сути размеренно, и проходила рекрутская повинность, пока однажды...

Как случается во все времена, неожиданно выяснилось, что атомная подлодка, на которой нёс повседневные тяготы «матросик» Борисов, оказалась сравнительно старой и давненько подлежала техническому списанию, едва ли не полной утилизации. Однако командование (на собственный страх и риск!) продолжало выпускать её в открытое море. Создаваемые комиссии, направленные на проверку полезной пригодности, «скрепя сердце» проставляли «зачётные» подписи; они давали ржавой гряде металлолома дальнейшую жизнь и отправляли в заведомо опасное плавание (время было тяжёлое, и заменить боевую подлодку, естественно, было нечем). Так она и ходила, создавая реальную угрозу флотскому экипажу, да и всему, что окружало вокруг.

В первых числах августа 1997 года, находясь в очередном ответственном рейсе, военные подводники остановились на боевое дежурство неподалёку от островного Японского государства. Словно подверженная неумолимому злему року, система охлаждения ядерного реактора дала существенный сбой: прогнившие трубы, не выдержав высокого давления, вдребезги лопнули и, теряя жидкостный хладагент, непрерывно разбрызгивали его по двигательному отсеку. Заделать их так и не получалось: железо осталось настолько тонким, что расслоилось на мелкие части.

Критическая температура катастрофически поднималась, провоцируя необратимые процессы, которые неизбежно привели бы к цепной реакции, сопровождавшейся ядерным взрывом. Понимая, что самостоятельно выбраться не получится, ответственный капитан передал срочную радиограмму о случившемся жутком несчастье.

Вышестоящее командование, едва узнав серьёзную новость, перестало поддерживать всякую связь: оно оставило покинутых моряков на произвол жестокой судьбы и собственное спасение. Прославленные подводники не могли себе даже представить, что их предательски кинут без действенной помощи! Когда уже стало ясно, что взрыв становится неизбежен, вся матросская команда вышла наверх, ожидая, что за ними вот-вот придут морские спасатели. И лишь, единственно, командир корабля, остававшийся в капитанской каюте, отлично знал все недвусмысленные инструкции! Они же однозначно гласили, что «обнаруженная на чужой

территории, субмарина оказывается вне всяких законов»; получается, она (исключительно по личной инициативе команды!) самовольно зашла в сопредельные воды чужого пространства, то есть никто из высшего руководства не несёт за неё никакой ответственности. Неблагодарная страна взяла да и попросту от них отказалась, предоставив обречённым подводникам самим выпутываться из чудовищной, губительной ситуации.

Через несколько минут несчастные моряки, находившиеся на верхней площадке, к общему ликованию, наконец-то улицезрели, как к ним подлетают три неопознанных самолета; но... как выяснилось, то оказалась совсем не подмога. Японские власти, перехватив тревожную радиопередачу и более чем очевидно установив, что возле их берегов возможен новый ядерный взрыв (они отлично помнили и Хиросиму, и Нагасаки), незамедлительно выслали боевые лётные аппараты – чтобы предусмотрительно (и от греха подальше!) уничтожить опасную, гнилую «посудину». Нетрудно догадаться, отверженные люди их вовсе не беспокоили, поскольку подлодка была военной, да ещё и считалась вражеской, неправомерно вторгшейся в иностранное государство. Министр обороны Японии, отдававший суровый приказ, сказал лишь одно: «На войне как на войне!»

– Это бомбардировщики! – вдруг в страхе воскликнул Борисов, как никто другой обладавший отличным, едва не орлиным зрением. – Вряд ли они вознамерятся нас спасти? – И окончательно утвердившись в той правильной мысли, бездумно кинулся в необозримую акваторию; решительными гребками он отдалялся от атомной субмарины, «приговорённой» к неминуемой гибели.

Остальные члены подводного экипажа не верили в неслыханное коварство и спокойно поджидали приближение летевших объектов; они искренне надеялись, что за ними выслана спасательная команда. Всё сделалось предельно понятным, когда от раскинутых крыльев отделились противолодочные ракеты... И вот именно тогда, все стали прыгать в синее море, но было уже достаточно поздно. Через считанные секунды прогремело шесть оглушительных взрывов, и подбитая подлодка медленно опустилась на глубокое дно, предоставив ядерному реактору охлаждаться естественным остужающим реактивом.

Брошенный экипаж, не успевший отплыть на сколько-нибудь приличное расстояние, оказался поражённым взрывной волной и бесследно сгинул в бездонной пучине. Избавиться от неминуемой гибели удалось лишь Вите Борисову, заблаговременно сиганувшему в забортную гладь; ему посчастливилось значительно удалиться. Долгое время он плавал в тёплых водах Японского моря, пока, совсем обессилив и потеряв любую надежду, окончательно не лишился сознания. Благодаря спасательному жилету Виктор не утонул, а остался безвольно плавать по бескрайнему морскому пространству.

На его случайное счастье, бесчувственного матроса подобрали местные рыбаки. Вначале они его как следует выходили, а потом помогли тайком перебраться на отдалённую Родину. Единственный человек, удачно спасшийся с подбитого подводного судна, к великому ужасу, выяснил, что ни с одной из сторон (ни японской и ни российской) о случившейся трагедии предпочиталось не афишировать (как будто бы ничего и не было). Высшее командование цинично провозгласило всех членов погибшей команды «пропавшими без вести».

Возмущённый несправедливым решением, предательским отношением, проявленным к отважным защитникам, да и попросту верным подданным, Виктор объявил непримиримую вендетту всему российскому государству – поклялся жестоко мстить, пока у него хватит и человеческих сил, и предельных возможностей. Присвоенный статус всецело устраивал; он ушёл в глубокое, самое глухое, подполье и стал вести невидимую войну – подрывную, диверсионную деятельность. Как он не раз говаривал, «изнутри разрушать существующий строй и выводить на «чистую воду» напрочь прогнившее верховное руководство».

Как и следовало ожидать, находясь возле ядерного реактора, функционирующего в критическом взрывоопасном режиме, он получил солидную долю тлетворного облучения. Оно

сказалось на общем физическом самочувствии, но (более всего!) отобразилось на всклокоченных волосах, навсегда окрашенных иссиня-седым оттенком. Не остался нетронутым и внутренний мир; он основательно искалечился, сделав отвергнутого человека, и беспощадным, и мстительным, и грозно жестоким.

Глава I. Трое в машине

Конец сентября 2018 года. По шоссейной дороге (направлением из города Томска) следует подержанный «опель» мрачного чёрного цвета. В салоне находятся две молодые девушки и мужчина-водитель.

Первую зовут Вихрева Мария Вадимовна. Она слывет проституткой «среднего класса» и, нетрудно догадаться, направляется к очередному клиенту. Внешность её не является примечательной (не сильно красивая, но в общем и не отталкивающая), зато имеет особую притягательность; она присуща людям, неплохо знающим реальную цену. Из отличительных признаков, выделяются следующие особенности: невысокий рост, отлично сочетающийся с великолепным телосложением; овальное лицо, не слишком прекрасное, но наделённое обаятельной миловидностью; серо-карие глаза, украшенные специальными накладными ресницами; разноцветный макияж, выразительно нанесённый на верхние веки; впалые щёки, напудренные больше положенного (дабы скрыть многочисленные, дарованные природой, веснушки); симпатичные, едва ли не детские ямочки (хотя биологический возраст давно перевалил за двадцать семь лет); прямой и маленький нос, прекрасно гармонирующий с пухлыми, ярко напыженными губами; рыжие волнистые волосы, скрытые ровнёхоньким париком, соотносящим со жгучей брюнеткой; соблазнительная фигура, отмеченная сочной, излишне выпуклой, грудью; тонкая талия, переходящая в безупречную ягодичную область; милые ножки, выделяющиеся незначительной кривизной, хотя и не слишком катастрофической (непривлекательный недостаток неплохо скрывался за сетчатыми колготками). Из верхнего одеяния на опытной путане выделяются: короткая чёрная юбка, изготовленная из замшевой кожи и сочетающаяся с однотонной футболкой; красная болоньевая куртка, едва доходящая до простенького атласного пояса; эффектные туфли, отмеченные излишне завышенной шпилькой; дамская, рыжеватого цвета, сумочка, содержащая дешёвые аксессуары, предметы первой необходимости и недвусмысленную косметику.

Допотопной машиной управляет смурной сутенёр: поездка обещает быть дальней, а развратных девочек на сомнительные мероприятия (по понятным причинам!) одних старались не отпускать. Неотъемлемое правило сохраняется даже сейчас, когда за сексуальные эскорт-услуги заплатили хоро-о-шие деньги; в любом случае поставщику сексуальных утех требуется проследить, чтобы с его прямой подопечной ничего не случилось. Озлобленный человек, носящий имя Хрустова Андрея Викторовича, как никто другой подходит для выбранного рода занятий. Он выделяется особенными чертами: высоким ростом, сочетающимся с развитым телосложением и обладающим накаченной, мощной фигурой (что свидетельствует о значительной мышечной массе и подтверждает наличие немаленькой силищи); звероподобной, почти квадратной, физиономией, имеющей явное сходство с гориллоподобной тупицей (что подчеркивает банальное отсутствие практичного разума); нахмуренным лбом, как бы заранее говорящим, что настрой у него серьёзный, готовый к любым неожиданностям; тёмно-карими зенками, горящими лютой злобой и не выдающими рассудительной мысли; круглой башкой, коротко остриженной и выставляющей плотно прижатые ровные уши (как у типичного представителя криминального бизнеса). Похожее мнение складывается и из неброской одежды, представляющей на всеобщее обозрение спортивные «адидасовские» трико, коричневую куртку, чисто кожаную и изрядно засаленную, а также прочные, но дешёвые туфли. Возраст крутого мёна близится к тридцати семи прожитым годам.

Третий персонаж колоритной троицы – девушка, достигшая двадцатипятилетнего возраста. На ней необходимо заостриться особенно... Именно она и стала основным организатором нестандартного, чрезмерно далёкого, путешествия. Тем же днём, но разве чуть ранее, она обратилась к одному из томских закоренелых «сүтеров». Озарившись благодушной улыб-

кой, заговорщицки объяснила, что её родной братец поехал с лучшим другом на лесную заимку, дабы хорошенечко поохотиться, а заодно отдохнуть от заносчивой, сварливой супруги. Помимо прочего (как заверяла вкрадчивым голосом), он собирается справить там день рождения; собственно, отменный подарок, выраженный в виде роскошной, да и услужливой, девушки, оказался бы на редкость уместным. Загородные вызовы в развлекательном бизнесе считались делом вполне обычными; однако в настоящем случае требовалось значительно удалиться от города и проследовать чуть более ста километров. Случай представлялось не слишком обыденным, но платили неплохо, а значит, особенно рассуждать да строить бессмысленные догадки виделось делом бесперспективным, неоправданно глупым.

Загадочная краля представлялась обычной наружностью: при среднем росте, сложение угадывалось неженственно плотным и прикрывалось плотно прилежавшим военным костюмом защитного цвета хаки; непривлекательная мордашка обозначалась округлой формой и выделялось чёрненькими глазами, по-звериному злобными и неприветливо «зыркавшими»; словно у хитрой лисы, они переходили в острый, чуть вздёрнутый, нос и прикрывались широкими, сведёнными к переносице, густыми бровями; тёмные длинные волосы сводились назад и стягивались в виде распушенного «хвоста». Весь её внешний облик выдавал натуру уверенную, способную и за себя постоять, и подчинить духовно более слабых. Как оказалось, звали странную пассажирку несколько необычно, а именно Шульц Гретой Карловной. Немецкое имя напрямую свидетельствовало о принадлежности к фашистским военнопленным, захваченным во время Великой Отечественной войны и сосланным когда-то в Сибирь; там они прочно обосновались и давно обрусели.

В честной компании двое выглядели абсолютно спокойными, а нервничала, единственно, Вихрева. Дальние поездки всегда вызывали неоднозначные ощущения, однако в прошлых случаях необъяснимая нервозность пускай и присутствовала; но... оно было нечто другое. Сегодня, на каком-то подсознательном уровне, она чувствовала неотвратное приближение чего-то непонятного, едва ли не жуткого; встревоженная путана никак не могла объяснить холодившие нервы стихийные домыслы. Хотя объяснение странноватой заказчицы выглядело вроде бы убедительным и не выходило за рамки принятых правил, сложившихся криминальных традиций. Но самое главное! Её сопровождал отъявленный уголовник, многоопытный сутенёр, являвшийся и грозным телохранителем, и грубым работодателем. Последняя характеристика являлась определявшей, ведь если уж он чего и решил, то тут (ну, что угодно почувствуй!), а текущий заказ оттарабанить придётся.

Мария давно привыкла к постылой жизни, связанной с постоянным риском и унижительным обращением, жестоким и хамским. Являясь воспитанницей детского дома, она прекрасно понимала, что несмышлёным, отчасти убогим, выходцам пробиться в чём-либо (кроме удачно выйти замуж) представлялось крайне и крайне редко. Наверное, поэтому большинство детдомовских выпускниц выбирали незавидный вид скорого, ничуть не скромного, заработка, быстро свыкались с незавидной, презренно гадостной, жизнью и ни на что уж в дальнейшем не сетовали. Именно по причине излишней осведомлённости, опытная шалава, выдавшая всякие виды, умело скрывала опасливую нервозность и, несмотря ни на какие предположения, казалась спокойной, уравновешенной, выдержанной; не выдавал её и ровный, размеренный голос, интонацию коего успешно получалось выдерживать в обычной тональности. Чтобы прояснить себе настоящее место, куда вела их злая судьба, да и сидевшая на заднем сиденье недобрая женщина, она, чуть повернувшись назад и глядя той прямо в глаза, настойчиво, но и заискивающе спросила:

– Вы, стесняюсь спросить, случайно не подскажете конечный пункт конкретного назначения?

– Кто доедет – узнает, – пытаясь выдать дружескую улыбку, некорректно ответила Шульц; понимая, что может посеять тупые сомнения, мгновенно поправилась: – Я, кажется,

объяснила старшему, что мой любимый братец, находится на заимке, где празднует тридцать восьмое рождение. Я вот, как добрая и чувственная сестра, хочу сделать ему хороший подарок, чтобы он немного расслабился и отдохнул от гнусной «кобры-кобылы».

– Извиняюсь, – не удержалась Мария, – а «кобра-кобыла» у нас – это! – кто?

– Его жена, прости меня Господи, – промолвила невзрачная пассажирка, совсем не скрывая, что от неудобных высказываний (то ли вопросов, а то ли допросов?) начинает изрядно нервничать (о чём свидетельствовало характерное постукивание нестройных пальчиков по округлым коленкам), – она ему просто продыху не даёт – совсем запилила! Не знаю, как на двухдневную охоту-то отпустила?

– Печально, – согласилась молодая путана, – и где он сумел – такую! – найти?

– Отыскал вот, – на сей раз, вроде бы соглашаясь, отвечала сочувственная сестра, – они в одной школе вместе учились. Та давно его заприметила – вот и захомотала.

Был ещё немаленький интерес, очень разволновавший Марию. Пользуясь, что таинственная попутчица охотно делится полезными сведениями, снова её спросила:

– Не единожды покажусь нескромной, но сколько всего народу находится на отдалённой заимке?

– Мой брат да ещё один человек, – не задумываясь ответила Грета, но, смекнув о завуалированном подвохе, улыбочиво продолжала: – Не переживай, обслужить тебе придётся лишь единственного клиента; правда, сколько раз – покамест не знаю. Второй является моим постоянным парнем. Похотливые же оргии?.. Они меня ничуть не устраивают, тем более что я сурово ревнива.

Последние слова обрусевшая немка произнесла с нескрываемым омерзением, но и забывая озариться самодовольной ухмылкой. Истинная натура проявлялась недолго, и она быстро вернула выражение прежнее, наиболее дружелюбное.

– Хватит здесь всех доставать! – резким окриком вклинился Хрустов, прекрасно понимавший, что неудобные вопросы доставляют второй пассажирке весомые неудобства (деньги заплачены неплохие, а терять солидную выручку, из-за чрезмерно подозрительной шлюхи, совсем не хотелось); зло посмотрев на любознательную шалаву, он рыкнувшим говором выпалил: – Пикнешь ещё – поедешь в заднем багажнике.

Неплохо зная бешенный нор, Вихрева тотчас же замолчала; она предполагала, что как с ней поступить – бесшабашный «сутер» вообще не будет раздумывать, а в случае чего, незамедлительно исполнит грубое, сплошь неприятное, обещание. Она закрыла усталые очи и попыталась заснуть. Непонятная тревога никак не позволяла отключиться от жутковатой действительности, сильнее обычного будоражившей нервы. Так она и ехала, сомкнув отяжелевшие веки и размышляя над смутными опасениями; основная их суть сводилась к неясным сомнениям: почему вдруг разыгралась прозорливая подозрительность?

Она считалась девушкой с особо развитой интуицией, а та ещё ни разу не подводила. Вот и сейчас, она начинала воображать, что должно случиться нечто плохое, скорее ужасное. Спорить с Андреем? Не имело разумного смысла, поэтому пришлось безропотно покориться печальной судьбе да надоевшей, трижды проклятой, работе.

Тем временем захудалая иномарка миновала дорожный знак, обозначающие жилое селение Мельниково. Не доезжая Володиного, она свернула с шоссейной трассы на грубую лесную дорогу. Непроверенный маршрут указала скользкая Шульц – именно она и попросила свернуть с удобной прямой магистрали. Поначалу, примерно три километра, пробирались с невыразимым трудом, постоянно буксуя и продвигаясь со скоростью, не превышавшей семи-десяти километров.

– Далеко ещё ехать? – не выдержал разгорячённый водитель, грубовато обращаясь к загадочной провожатой. – Не то у меня – «мать вашу не по-хорошему!» – горючка топливная скоро закончиться...

– Не волнуйтесь, – спокойно молвила Грета, – через двести метров ухабистая колея наконец прекратится и пойдёт дорога нормальная, забитая каменным грунтом. Бензин же? Не переживайте, его вам обязательно дозаправят.

Глава II. Лесная заимка

Обрусевшая немка не обманула: в скором времени машинные колеса, и действительно, выехали на ровную, словно бы специально укатанную, лесную дорожку; на ней практически не виделось ухабистых ямок, и можно было ехать на четвёртой, по случаю повышенной, передаче. Устойчивое положение приятно поразило измученного водителя, и он не преминул получить полюбопытствовать:

– Почему, интересно, здесь гладко, как у мартовского кота на гладеньких яйцах? Аха-ха-ха!

Безнравственный сутенёр ни разу не церемонился; он беззаботно расхохотался (как ему казалось?) остроумной, отлично удавшейся, шутке.

– Здесь раньше проходила лесная узкоколейка, – просветила в основные подробности Шульц, – рельсы сдали на металлический лом, а нерентабельный гравий остался.

– Тогда понятно, – выдал сквозь смех невоспитанный Хрустов Андрей.

Они проехали ещё километров, наверное, пятьдесят, прежде чем странная провожатая, указав посреди бескрайнего леса на небольшую поляну, спокойно сказала:

– Всё, мы приехали – здесь можно остановиться. Машину паркуйте, прямо где встанете; поверьте, она никуда отсюда не тронется. Дальше поедем на специальном, более проходимом, транспорте.

Слегка побурчав, раздражённый женский авторитет послушно свернул с укатанной колеи, заехал на лесную прогалину, заглушил тарахтевший двигатель – и вся разноликая троица сразу поспешила наружу.

– Теперь куда? – спросил «шалавий» телохранитель.

– Потребуется «пропехать» метров семьсот, – отвечала Грета, стараясь быть милой, – а там нас будут уже ожидать.

Она повела их через разросшуюся густую чащобу. Несмотря на сладкие заверения, пройти пришлось не менее километра, прежде чем довелось увидеть миниатюрный гусеничный тягач, терпеливо ожидавший дорогих посетителей. Двигаться продолжили по полному бездорожью, резко объезжая попадавшиеся по ходу вековые деревья. Со стороны могло показаться, что искусный механик, управлявший удивительной техникой, практикуется в экстремальном вождении; в любом случае остаточный путь проделали без непредвиденных остановок.

Проехать в том необычном темпе пришлось добрые километры пятнадцать, пока утомлённые путешественники не приблизились к потайному селению. Когда усталые путники покидали железный салон, на окружавшей улице спустилась прохладная темень. Мария, неплохо различавшая в непроницаемой темноте, разглядела семь или восемь массивных домов, стоявших в хаотическом беспорядке и обставленных нежилыми, наверно хозяйственными, постройками (что ничуть не напоминало временную заимку). И опять у падшей девушки неприятно защекотало под ложечкой, что предупреждало о поджидавшей впереди неотвратимой опасности, ей доселе неведомой, до крайности жуткой, возможно смертельной. Она печально посетовала. И!.. Сопровождаемая Шульц и беспрекословным бандитом, как беззащитный телёнок, насильно ведомый на жуткий убой, послушно проследовала к центральному, самому большому, строению.

Едва переступив за чуждый порог, приглашённые гости оказались в просторном пространстве, накуренном до полного неприличия. Прямо по центру устанавливался длинный дубовый стол, за которым расположилось тридцать два человека; в основном они представлялись здоровенными мужиками, находившимися в возрастном промежутке от девятнадцати до сорока пяти лет (а в редких случаях, возможно, и с лишним?). Понятное дело, у Вихревой

трепетно сжалось сердце, а по венам потекла заледеневшая кровь: она вдруг предположила, что ей зараз придётся обслуживать неисчислимую, голодную до женского тела, братию. Мгновенно развернувшись назад, порочная девушка резко метнулась к выходу; но... она мгновенно остановилась, потому как спасительный путь преградила зловредная Грета, направлявшая знаменитый представитель небезызвестной системы ТТ.

Потупив печальный взор, Мария вернулась назад и, продолжая оставаться с Андреем плечом к плечу, приблизилась к общественному столу. Во главе, прямо напротив входа, восседал суровый предводитель многочисленного собрания.

На вид влиятельному мужчине давалось лет тридцать восемь. В отличии от остальных, он не выделялся значительным ростом; впрочем, подвижная фигура виделась крепкой, что больше чем отчётливо подтверждало, что он обладает немаленькой силой. Если подробно остановиться на внешних характеристиках, то представлялись они таковыми: овальное худое лицо считалось не по-мужски красивым, чем-то похожим на женское; голубые глаза прикрывались длинными, словно у девочки пышными, седыми ресницами (они выражали тонкий, изворотливый ум, изрядное самомнение, непримиримую решимость, ожесточённую беспощадность); высокий лоб всегда оставался нахмуренным; дугообразные брови словно бы приросли к прямой переносице; крючковатый нос выдавал звериную хитрость и плавно переходил в широкие губы (верхняя с правой стороны оставалась немного приподнятой, придавая общему выражению презрительно- надменный оттенок); всклокоченные короткие волосы (будто ни разу не чёсанные) виделись и не блондинистыми, и не рыжими, а скорее седыми (вероятно, подверглись какому-то химическому воздействию?). Как и все сидевшие за длинным столом, таинственный незнакомец оделся в камуфлированную военную форму, довершаемую грубыми солдатскими берцами.

В противоположность довольным соратникам, находившимся в сумрачном помещении, зловещий предводитель нисколько не веселился, что навело струхнувшую Марию на скорбные размышления: «Да, милосердной пощады от ярого ушлёпка навряд ли дождёшься?» Она мысленно приготовилась переносить невыносимые муки, нечеловеческие страдания. «А может, всё-таки обойдётся?» – просилась в возбужденную голову навязчивая идея. «Хотя, пожалуй, что нет», – отвечал рассудительный разум.

Пока порочная девушка предавалась сомнительным мыслям, предводитель лесного братства решил просветить несведущих посетителей о собственном имени, а заодно и об истинном роде занятий:

– Я, Борисов Виктор Павлович, являюсь здесь главным.

«Ну, Грета, точно, никакая ему не сестра, – подумала Вихрева, – хотя, не исключается, её действительный брат и сидит где-нибудь за длинным, почти бесконечным, столом?» Беспрекословный оратор, он же прирождённый организатор, тем временем продолжал:

– Мы ведем свободную жизнь, никому не подчиняемся, а насущный хлеб добываем за счёт вооружённых разбоев и неслыханных грабежей – особо заметьте! – участвуем исключительно в крупномасштабных, наиболее выгодных, операциях. Помимо сказанного, мы приторговываем дешёвенькой нефтью, добываемой здесь же, неподалёку, и, конечно же, незаконно. Продаём её радушным китайцам и не испытываем ни в чём недостатка, потому что – как вы, наверное, знаете? – нефтяных залежей здесь просто немерено. Получается, мы нисколько не бедствуем, но... пора уж, пожалуй, остановиться на главном. Как, надеюсь, вы хорошо себе понимаете, находиться в неустанных, едва ли не тяжёлых трудах достаточно сложно...

Амбициозный атаман остановился на полуслове, так как неожиданно его перебил авторитетный Андрей, яснее-ясного уяснивший, что без особого умысла сокровенные вещи на общее обозрение никогда не выносятся:

– Зачем Вы нам всё это сейчас говорите? Нам вчистую неинтересно, чем вы здесь занимаетесь. Давайте, мы сделаем положенную работу да поскорее отвалим – смотаемся восвояси. Место вашего глухого расположения я даже если и захочу...

Договорить разнузданный сутенёр не успел. Борисов потянулся к кожаной кобуре, одетой на поясной ремень, выхватил отменный крупнокалиберный револьвер – и... меткая пуля, вылетевшая из прямого ствола, навсегда прекратила дерзновенные речи дамского «крышевателя» (оставила в лобной доле кровяную округлую дырочку). Хрустов?! Как стоял, так и рухнул на дощатое покрытие неровного пола. Другие бандиты, по-видимому не ожидавшие незапланированной расправы, с недовольным видом стали протестовать и высказывать всеобщее, хотя и лёгкое недовольство:

– Зачем?... Ведь договаривались же, что будет двое, а теперь что... за одной полуголой девкой гоняться? Мы же враз развратную стерву достанем... никакого спортивного интереса.

И тут! Мария с ужасом поняла, какова же искомая цель их дальнего путешествия, окончившегося то ли в развратном вертепе, то ли в серьёзном разбойничьем лагере. «На нас, на живых людей, поганые твари собрались охотиться!» – подумала она, предполагая наиболее вероятный сценарий; одновременно она взглянула на бездыханное тело Андрея и безотчётно поправила: – Нет, неправильно... теперь, пожалуй, единственно, на меня, на беззащитную "полную дуру"».

Грустные размышления, предполагавшие неминуемую гибель, прервались голосом Виктора Павловича, решившего успокоить возбуждённую подвластную братию:

– Тихо! Тихо вы – чего «разгалделись»? Да, наши первоначальные планы чуть-чуть поменялись; зато появилось одно предложение, которое нам максимально выгодно и от которого я попросту не в силах был отказаться. Положение неоднозначное, поэтому время «забавного развлечения» придётся значительно сократить, а вящее удовольствие сгладить. При любом раскладе особенно не расстраивайтесь: привычный драйв мы всё равно испытаем. Чтобы ускорить приятный процесс и не потерять присущего интереса, мы лишь слегка изменим обычные правила.

Едва успев досказать, он, продолжая удерживать заряженный револьвер, направил мрачное дуло на правую развратную ногу. Даже не посмотрев, произвёл целенаправленный выстрел... пуля попала в среднюю часть бедра, прикрытую ажурной сеткой экстравагантных колготок. Воспитанная в условиях детского дома, Мария побывала в различных, в том числе и непростых, переделках, а следовательно, научилась переносить любую телесную боль. Сейчас же, поддавшись необъяснимой внутренней интуиции, она словно бы враз обезножила, плюхнулась на соблазнительный зад, а ухватившись за поврежденное место, искусно изобразила мучительные страдания (хотя – чего уж там? – больно было по-настоящему). Непродолжительно насладившись жуткими муками подраненной жертвы, Борисов сорвал с «презренной шалавы» эффектный парик, грубо взялся за рыжие волосы (с чётким расчётом, чтобы миловидное личико обязательно смотрело наверх), а когда глаза поглядели в глаза, скрипучим, душещипательным голосом, действительно разъярил:

– Как, надеюсь, ты, «подлая сучечка», хорошо себе поняла, находишься ты здесь не ради – «на хер», ненужной! – плотской забавы. Нет, тебя отобрали в качестве «опасного зверя»...

– Аха-ха-ха! – заржали остальные разбойники.

– На которого мы собираемся немножечко поохотиться. Сейчас половина двенадцатого... даём тебе фору до завтрашнего утра. Полагаю, ты понимаешь, что чем дальше на подстреленной ножке успеешь укувылять, тем дольше, «мерзкая шлюха», тебе и посчастливиться выжить.

Жестокие, на диво безжалостные, слова вновь вызвали дружный гогот преступных соратников, и грубых, и неотесанных. Сам разудалый главарь ни разу не улыбнулся, а более стервенее, продолжал доходчиво инструктировать:

– Лично я – если бы оказался на незавидном месте? – не стал бы попусту растрачивать расчётное время, наоборот, «весело» куда-нибудь поспешил, потому что, извини...

– Га-га-га! – хохотали непутёвые соплеменники.

– Жить тебе, к моему великому счастью, осталось недолго. Обещаю, не далее, как к завтрашнему обеду, я буду разделять растленную мёртвую тушу. Пока, «сучачья шалава», отдай-ка мне личный мобильник; поверь, он тебе уже не понадобится.

Говоря, беспардонный главарь тщательно обыскивал зачумлённую девушку. Недолгие усилия оказались успешны: из бокового кармана коротенькой куртки извлекался простенький сотовый телефон, оставив Вихреву безо всякого сообщения с цивилизованным миром.

Всё представлялось так нереально, будто Мария находилась в каком-то кошмарном, неведомом сне. Она никак не могла поверить, что действительно станет являть одушевлённый предмет нечеловеческих, едва ли не сумасшедших забав, какие способны удовлетворить мужское эго одичалых, вчистую озверевших, людей; но сильная боль, беспрестанно отдававшая в простреленной части бедра, возвращала к суровой реальности. Как только кровожадный, безжалостный атаман отпустил прихваченные, хорошенечко смятые, волосы, проинформированная путана кое-как поднялась и, неловко прихрамывая, направилась к выходу. Грета «учтиво» посторонилась, предоставляя недавней попутчице свободное продвижение. «Эта «приморённая падла», вероятно, тоже будет участвовать в смертельной, если ли не дьявольской гонке? – подумала про себя сметливая проститутка и (зачем-то?) мысленно подытожила: – Всё-таки интересно: что она вообще здесь делает? Хотя какая глубокая разница?.. Значит, тридцать три – и это против всего одной!»

За невеселыми размышлениями она неторопливо выбралась из бандитского дома и оказалась снаружи. «Первым делом они отправятся искать меня к нашей машине. То есть?.. В ту сторону идти никак не желательно, тем более что с простреленной ногой я до неё навряд ли доковыляю? С обратной стороны, заблудиться в ночном лесу совсем нетрудно, – логически рассудила неглупая девушка. – Хм? По-моему, необходимо брошенный вызов принять, – продолжала она попутные рассуждения, вспоминая детдомовскую тяжёлую бытность, где, несмотря ни на что сдаваться было неприято, – дать хороший бой и попытаться попробовать выжить». Полностью уверившись в отчаянной мысли, Вихрева пошла в сторону, противоположную той, с какой они прибыли. Оказавшись в кустистых зарослях, отважная барышня, чтобы удобнее следовать, сломала длинные каблуки – обувь, приведённая в ровное состояние, для лесного похождения стала намного удобнее.

Пройдя чуть более полутора километров, уставшая беглянка присела у толстого дерева. Дабы немного передохнуть, она закрыла поплывшие веки и погрузилась в отрывочные воспоминания...

Когда-то, на протяжении довольно долгого времени, длившегося не менее четырёх годов, у неё в постоянных клиентах значился один боевой офицер, служивший в элитных подразделениях специального назначения; он «покупал» её всегда на целые сутки. Кроме занятий плотской любовью, они постигали сложное искусство военного дела: меткую стрельбу из снайперской винтовки, отлаженные приёмы рукопашного боя, отменное владение другими видами армейских вооружений, в их числе и метательными. Мария оказалась на редкость понятливой, легко обучаемой, и усердно усваивала малейшие тонкости сложного ремесла, где-то опасного, а в чём-то необходимого.

Она научилась попадать без единого промаха. Для точного прицеливания (скажем, из снайперской винтовки Драгунова) ею затрачивалось не дольше пяти секунд (хотя обычно она обходилась и временем меньшим, не превышавшим коротенького мгновения); ей требовалось определить одномоментное месторасположение интересующей цели, направить в ту сторону длинное дуло, захватить оптическим окуляром – и разом произвести поражающий выстрел. Как правило, любые попытки оказывались успешными. Помимо СВД, усердная воспитанница

прилежно освоила все виды ходовых пистолетов, в результате чего с тридцати метров все выпущенные пули попадали точно в «десятку». Мария прекрасно метала боевые ножи, стальные кинжалы и другие заточенные предметы. Превосходно освоив не один десяток приёмов эффективной самозащиты, она нередко применяла их в порочной практике рискованных будней.

Ковров Иван Васильевич (так звали подкованного спецназовца) относился к миловидной проститутке равнодушно (если не больше!). Во время последних встреч он стал себе признаваться, что безмерно её полюбил, и, наверное, желает жениться. Вихрева всецело разделяла мужские нежные чувства и тоже раз от раза подумывала, как бы узаконить возникшие отношения (а заодно и вырваться из непроглядной пучины развратной похоти, грязной лжи и губительного дрянного порока). Собираясь осуществить благие намерения, расчётливый спецназовец (однако!) не слишком торопился с принятием основного решения: ему негде было приткнуться, и он копил на благоустроенную трёхкомнатную квартиру (как оказывалось, ему оставалось совсем немного). Затем он собирался сделать возлюбленной девушке любезное предложение.

Заманчивым планам не суждено было сбыться: около двух лет назад, отправившись для проведения очередной операции, обратно Иван не вернулся; он получил непривлекательный статус «пропавшего без вести». Мария какое-то время печально погоревала, но сделать ничего не могла; так или иначе, она продолжила добывать насущное пропитание с помощью единственного таланта, каким наградила её скупая природа (выгодно продать молодое, пока ещё прекрасное, тело). Развратная девушка стала подумывать, что Бог от неё отвернулся и что так ей и суждено прозябать на промозглом днеще социального мироустройства; нередко несчастная девушка горестно плакала и всей душой проклинала паскудную жизнь, презрительно гнусную, необъяснимо несправедливую.

В невесёлых воспоминаниях рыжеволосая бестия пребывала не менее получаса. На дворе стояла промозглая осень, а (если вспомнить?) откровенное одеяние у раненой девушки, брошенной в тёмную гущу лесного кошмара, было не очень-то тёплое. Под воздействием стылого холода и нервного напряжения она стала явственно ощущать, как начинает колотить мелкая, лихорадочно неприятная, дрожь; она постепенно возвращала к печальной действительности.

Глава III. Операция и первая жертва

Открыв затуманенные глаза, Мария осознанно поняла, что, оставаясь с бандитской пулей в ноге, ничего, серьёзного и значимого, поделать не сможет. Требовалось срочно извлекать свинцовый предмет, и очень мешавший, и причинявший немалую боль. Бывшая детдомовская воспитанница слыла девушкой мужественной, а за прошлую бытность ей не единожды приходилось проводить всевозможные спасательные эксперименты: и у себя самой, и у беспечных товарищей она извлекала всяческие занозы, и даже стальные дробинки, застревавшие после нерадивого баловства с пневматическим пистолетом. Поэтому сейчас она отчётливо представляла, чем именно займётся в первую очередь.

Вихрева достала из дамской сумочки туалетную воду, бензинную зажигалку (она предпочитала только такую – так научил знакомый спецназовец) и остренький «складничок», который всегда находился при ней (по совету всего того же бойца специальных подразделений). Поначалу она добросовестно обработала миниатюрный клинок: провела по лезвию с двух сторон зажжённым огнём и попрыскала благовонной, изрядно проспиртованной жидкостью. Сняла эластичные колготки и перетянула повреждённое бедро чуть выше раны, изобразив своеобразный предохранительный жгут. Всё из того же ароматного флакончика обильно прыснула в открытую рану, и... чуть не потеряла сознание – так резко пронзил болезненный спазм. Удивительное дело, подготовленная девушка не проронила ни единого гортанного звука. Две или три минуты настраиваясь, она перешла к основному занятию – начала себя безжалостно оперировать.

Превозмогая страшную боль и используя прямую помощь складного ножа, Маша слегка расширила округлую ранку. Образовалось достаточное отверстие, необходимое для эффективного извлечения инородного тела. Всё тем же режущим инструментом она нащупала болезнетворную пулю, на удачу вонзившуюся с внутренней стороны (она застряла в мышечных тканях и не затронула костных образований). Терпеливая мученица попыталась её порезче извлечь, подвергая себя невероятным страданиям. Чтобы не кричать, она зажала меж белоснежных зубов прочную деревянную палку.

Осуществив парочку неудачных попыток (при каждой перочинный ножик соскакивал со скользкого, увлажненного кровью, металла), Мария, соответственно, поняла, что по-простому вытянуть застрявший свинец навряд ли получится. С другой стороны, ей удалось приблизить чужеродный предмет к открытой поверхности, но выйти наружу мешали сгустившиеся подкожные отложения.

Прекратив бесцельную тиранию, Вихрева дала себе немного передохнуть, решаясь на жуткий, более болезненный, шаг. По прошествии ровно пяти минут, собравшись с душевными силами, отважная девушка посчитала, что способна осуществить запасной, морально силовой, вариант. Для достижения поставленной цели, решительная красавица, чуть отодвинув тоненьким резакom одну стóрону кругленькой раны, резким движением запустила внутрь миленький указательный пальчик... она остановила его не раньше, чем достигла постороннего тела и завела за нижнюю часть. Да, муки казались попросту нестерпимыми; но... то был единственный способ извлечь застрявшую пулю. Помогая пальцем большим, она надёжно схватилась за разрушительный сплав, жёстко вырвала прочь – и тем же мигom лишилась сознания.

Без чувств измученная беглянка находилась минут не менее двадцати. Постепенно придя в себя, она с ужасом припомнила те умопомрачительные события, какие с ней приключились. Когда прооперированная путана кое-как овладела собой, она проанализировала и жуткую операцию, и успешное её окончание; маленький шарик, как не покажется странным, продолжал находиться меж скрюченных пальцев. С брезгливостью его бросив, Маша подсветила мерцавшим огнём и принялась скрупулёзно осматривать свежую рану. Несмотря на перетянутый

жгут, та всё ещё слегка кровоточила. На ум пришёлся единственный способ, эффективно способный остановить потерю жизненно-важной жидкости!

Собравшись с отважным духом, необходимым к преодолению нестерпимых страданий, и воспользовавшись всё той же бензиновой зажигалкой, Мария хорошенечко прогрела остренький кончик. Дождалась, пока узкое лезвие не сделалось красным. Теперь можно быть уверенной, что раскалённая сталь достигла необходимой температуры. Подняв недавнюю палку (та вывалилась при обмороке) Вихрева вновь захватила её зубами, и намертво сжала. В тот же момент она приложила раскалённый металл к прооперированному участку! Измученное тело прострелило невыносимой болью, заплаканные глаза страдальчески округлились, а изнутри готов был вырваться истошный, мучительный вскрик. Но! Как и немногим раньше, мужественная девушка не издала ни малого звука, а только сильнее вцепилась в прутковую перемычку. Через три секунды самоличного истязания помутнённый разум вторично лишился сознания.

Беликая мученица находилась в беспамятстве чуть менее часа. Очнувшись, неожиданно-негаданно осознала, что вовсе не чувствует холода. Неестественное положение и удивило, и в то же время обрадовало (лёгкое одеяние для лесных прогулок было не приспособлено). Первым делом она взглянула на запечённую рану и с удовольствием заключила, что та нисколько не кровоточит; да и жгучая боль практически стихла. Для большей гарантии Мария обработала исцелённую ногу туалетной водой. Сняла матерчатую футболку, порвала её на тонкие ленты и сделала несложную перевязку. Закончив, умелая девушка посчитала, что про искусно залеченное ранение можно куда забыть.

Близился скорый рассвет. Поспать всё одно бы не получилось: она находилась в состоянии нервного напряжения и чувствовала себя на удивление бодрой. Чтобы не остывать, а следственно, не замёрзнуть, сметливая девушка стала, беспрестанно подпрыгивая, с места на место перебегать; заодно она хорошенечко размяла подбитую ногу. Так продолжалось, пока не стало светать. Едва ночная темень рассеялась, а лесная округа наполнилась утренней дымкой, Вихрева на слух различила, как со стороны бандитской деревни доносятся отдалённые гулкие звуки; они походили на заведённые двигатели, имевшие очевидную принадлежность к вездеходной мотоциклетной технике. Безошибочно рассудив, что за ней собирается лихая погоня, предполагаемая жертва чуть углубилась вправо и припустилась быстро бежать, направляясь напрямую к враждебному поселению.

В то же самое время на разбойничьем хуторе готовились отправиться за «неспортивной» (по общему мнению, слишком уж лёгкой) добычей. Для пущего удобства, чтобы удобнее передвигаться по неезженному лесному пространству, они заводили «снегоболотоходы» и выстраивались в две линии, следуя друг за другом. Жестокому занятию решили предаться тридцать один отморозок, а с ними и обрусевшая немка Шульц. Решительно отказавшись участвовать в варварской экспедиции лишь единственный человек – родной брат грозного атамана Егор.

– Я плохо себя почувствовал, – объяснил он странный отказ, чтобы его непременно слышали все; Виктору по секрету от остальных сообщил: – Ты же знаешь, как не люблю я мотаться по здешним дремучим лесам. Будет лучше, если останусь здесь, в родимой деревне, присмотрю за домашним хозяйством: всё равно кто-то должен им заниматься. И потом, одно дело праведный бой – тут я весь ваш! – но бесчестные игры мне как-то не по душе, и, если честно, всесторонне неинтересны.

– Как знаешь, – ответил ему безжалостный атаман.

Виктор Павлович младшего брата любил практически до безумия: для него он являлся единственной родимой душой на всём земном свете. Если с другими соплеменниками он оставался грубым, а подчас и крайне жестоким, то с молоденьким юношей, едва достигшим двадцатилетнего возраста, старался держаться как можно мягче; между прочим, иногда (что уди-

вительно?!)) в их близком общении проскальзывали приветливые, родственно нежные, нотки, совсем не похожие на непреклонного, патологически бессердечного, человека.

Младший Борисов внешне сличался со старшим, единственно, выглядел намного моложе, да и неиспорченная натура не очернялась ненавистной злобой, неистребимой жесточённостью; красивое лицо сохраняло совсем ещё детское выражение, а волнистые волосы, в отличие от Виктора Павловича, выглядели каштановыми и вились в эффектные локоны, спускавшиеся на плечи, словно у миленькой девушки. В остальном, внешних различий между двумя родными людьми, по сути, не наблюдалось.

Было решено, что Егор останется присматривать за разбойничьим поселением, а заодно и обеспечить его прямую охрану. Так сказал главарь, и возражать никто не отважился. Когда мотоциклетный строй был полностью собран, суровый лидер занял переднее положение, поднял кверху правую пятерню и, несколько секунд подержав в приподнятом положении, произвёл энергичный замах вперёд; затем он медленно её опустил, призывая следовать за собой.

Передний «квадроцикл» начал движение сразу вслед за явственным жестом; за ним без всякого промедления устремилась до зубов вооруженная внушительная процессия. Для того чтобы догнать всего одну «никчёмную шлюху», снарядилось практически целое войско. Двигались не торопясь, насколько позволяла лесная непроходимая глушь; в среднем, скорость моторизованного кортежа не превышала двадцати километров.

При утреннем свете, да ещё и бегом, Вихрева по-быстрому преодолела недалёкое расстояние, отделявшее от бандитского стойбища. Теперь, сидя в ближайших кустах, расплосканных на крайней опушке, прямо пред вражьем селением, та лихорадочно наблюдала, как лесные разбойники, уверенные в лёгкой победе и очень довольные, отправлялись на недолгие, незамысловатые по их мнению, поиски. Едва дождавшись, когда замыкающий «охотник» скроется в густорастущей лесистой посадке, Маша вышла из временного укрытия и, чуть хромая на правую ногу, направилась к главному дому; она успела заметить, что там остался всего один из беспощадных бандитов. «Сейчас посмотрим, что именно, «боевые ублюдки», вы собой представляете?» – вихрем промелькнула категоричная мысль.

Храбрая красавица шла бодрым, уверенным шагом; маленьким недостатком неотчётливо подмечалось, что она легонько прихрамывает. Взволнованная девушка не обращала на неприятный момент большого внимания, потому как, в силу нервного напряжения, быстро заживавшая рана особо не беспокоила. Напористой хватке способствовал ещё один существенный фактор – избыточный выброс гормона адреналина, который всегда происходит и в таких, и в подобных им случаях; он помогает преодолеть безотчётный страх и рабскую неуверенность. Ретивая налётчица заранее достала из дамской сумочки маленький складничок и привела его в боевую готовность. До конечной цели оставалось не более двадцати шагов, как изнутри показался молоденький парень; он был без оружия и весело насвистывал какую-то песенку.

Мария приближалась с подветренной стороны, в связи с чем нерасторопный парень заметил её не сразу, успев спуститься с высоких ступенек на землю. Едва уловив краем глаза лёгкое продвижение, он изумлённо поворотился налево и, к несказанному удивлению, обнаружил вчерашнюю проститутку, смело шедшую в прямом направлении. Решительный вид, уверенная походка и блестящее лезвие не вызывали ни малых сомнений о возникших конкретных намерениях. Развернувшись, он устремился назад, пытаясь укрыться внутри бандитского дома. «За оружием», – словно молния пронеслось в голове сообразительной девушки. Здесь всё решали доли секунды! Натренированным движением сделав привычный замах, она метнула острокопечный клинок. Удачно (а скорее, целенаправленно) попала в боковую часть шеи, где у нормальных людей проходит кровеносный сосуд, имеющий принадлежность к сонной артерии.

По наивной неопытности (а может, простому неведению?) неискушённый юноша извлёк коротенькое оружие – и моментально бурным фонтаном вырвалась кровавая жидкость, имевшая характерный багряный оттенок. Поражённый парень попытался зажать смертельную рану

одноимённой рукой, но хлеставшая кровянистая продолжала устремляться сквозь узловатые пальцы. Понимая, что от умирающего злодея опасности не предвидится, Вихрева, быстрой походкой следуя мимо, подняла с земли обронённый складник, обтёрла об нейтрализованного врага и направилась напрямую внутрь главного бандитского дома.

Оказавшись во внутренних помещениях, Маша заострилась на изумительной чистоте и идеальном порядке. Несомненно, она попала в личное логово свирепого атамана и покойного младшего брата; здесь же, похоже, обитала небезызвестная Шульц, оказавшаяся Виктору Павловичу ближайшей подругой, точнее, обычной сожительницей. Прямо перед входом, первый этаж представлял большую гостиную, где обычно и собирались отмороженные бандиты; тут же, сбоку от входа, находилась небольшая каморка, оборудованная под складское пространство. В нём было всё: и оружие различных модификаций, и военная одежда, и специальное снаряжение – словом, именно те предметы, какие требовались непрошенной посетительнице. Памятуя, что вражеский лагерь не остался совсем одиноким, она решила закончить осмотр и всего остального дома в целом.

Вооружившись пистолетом системы ТТ (который больше всех нравился в неприязнительном обращении) и ступая бесшумно, словно пантера, Мария продолжила обследовать добротное строение изнутри; предусмотрительно, чтобы её не застигли врасплох, она заперла входную дверь на мощный железный засов (очевидно, практичный атаман не сильно уж кому доверял?). За огромной залой располагались котельное помещение, смежная с ним просторная кухня, а также небольшая спальня, оборудованная фигурной лестницей, ведущей на верхний этаж. Держа взведённый пистолет наготове, перед собою на вытянутых руках, Вихрева медленно поднималась по деревянным ступенькам вверх. Убедилась, что там устроены пять отдельных комнат, огромная ванная и презентабельный туалет. Ни одной живой души ей больше не повстречалось; правда, одно из помещений оказалась запертым на внутреннюю личину. Сама не зная зачем, пунктуальная исследовательница лишней раз спустилась вниз за подлинными ключами (они оказались там же, где и оружие); долго подбирала тот единственный, нужный, ожидая, что входная дверь вот-вот распахнётся, а оттуда выскочат озлобленные бандиты. Однако всё закончилось, на радость, спокойно. Когда закрытая створка наконец-таки отворилась, она воочию убедилась, что и последнее помещение остаётся всецело пустым.

На подробный осмотр ушло чуть более двадцати минут, показавшихся практически бесконечными. Имея определённую военную подготовку, сметливая лазутчица сумела прикинуть, что у неё есть ещё, по меньшей мере, минут двадцать пять (а может, и тридцать?!), прежде чем одуроченные бандиты поймут, что она набралась сверхъестественной наглости и отправилась напрямую в разбойничий лагерь; но... следовало спешить.

Спустившись вниз, она проследовала в кладовую каморку, где полноценно видоизменила привлекательный внешний облик; он выделялся яркой косметикой и броской одеждой, но совсем не подходил для блуждания по таёжным сибирским лесам. Недолгая процедура отобразилась примерно так: во-первых, скинула непригодное к боевым условиям развратное одеяние; во-вторых, выбрала лёгкий, но прочный бронежилет; в-третьих, надела его на чёрную футболку, взятую здесь же и оказавшуюся ей явно не по размеру; в-четвёртых, подобрала самый маленький экземпляр камуфляжной военной формы; в-пятых, по-быстрому нацепила его на себя. Подбранное обмундирование выглядело несуразным, немного великоватым, зато ничуть не сковывало свободных движений. С высокими ботинками пришлось намного труднее: наименьший размер (из имевшихся в полном наличии) отметился сорок первым; хрупкой же девушке требовался не превышавший тридцать седьмого. Быстро соображая, Вихрева поступила резонным образом: повывинчивала кожаные стельки из нескольких пар и вставляла их в одну до тех желаемых пор, пока миниатюрная ножка не вошла и плотно, и несколько тесновато. Зашнуровав берцовый подъём, она убедилась, что сможет свободно ходить. Теперь необходимо определиться с конкретным вооружением. ТТ, естественно, оставался при ней, поместившись

в удобную кобуру, надёжно крепившуюся к узкому ремешку; он поддерживал широкие военные брюки. По ходу непродолжительных сборов настойчивый взгляд неоднократно падал на висевшую на стене СВД, снабжённую прицельным оптическим окуляром. Рациональный выбор был сделан, и снайперская винтовка благополучно покинула сохранённый участок; она успешно перекочевала в миленькие руки новоявленного владельца, умевшего с ней обращаться не хуже, чем с ножами либо же пистолетами.

Закончив с воинственным облачением, нахальная визитёрша перешла к планомерному пополнению боевого запаса и попутному сбору съедобной провизии. Выбрав солдатский вещмешок зелёного цвета, она наполнила его дополнительными патронами; не позабыла прихватить три финки-ножа. Прошла в обширную кухню, где обнаружила большое скопление разнообразных консервов, – нехилая часть перекочевала в дорожный рюкзак, трофейную собственность предприимчивой героини, несколько не терзавшейся неуместными муками совести.

Когда основные сборы случились законченными, незваная визитёрша, захватив старое тряпье и дамскую сумочку, вышла на улицу. Выбираться пришлось аккуратно, предварительно посмотрев в фасадные окна и пристально оглядев ближайшую территорию. Убедившись, что законный путь остался свободен, переродившаяся путана приоткрыла прочную дубовую створку. Удостоверилась, что за ней никто не стоит, и решительным шагом вышла наружу. Убитый парень лежал возле нижней ступеньки, ни дыханием, ни единым движением не подавая признаков жизни.

Глава IV. Еще двое

На всё про всё у Вихревой ушло не больше пятидесяти пяти минут. Время недолгое, и навряд ли неторопливые бандиты сориентировались, куда же именно она устремилась. Прямым доказательством служили отдалённые звуки тархтевшего транспорта, доносившиеся примерно в километре от лесного пристанища.

Мария вспомнила, когда она проходила мимо сарая, плотно примыкавшего к главному дому, машинально обратила внимание, что там одиноко постаивает отличный «снегоболотоход». Язвительно улыбнувшись, твёрдым шагом проследовала в дощатый гараж. Ключи оказались в замке зажигания: напыщенные злодеи настолько уверились в полной тайне лесного убежища, что даже смутная мысль, будто кто-то сумеет чего-то нагло экспроприировать, не приходила в бесшабашные, отчасти бездумные, головы.

– Что ж, наивная самоуверенность будет вашей огромной ошибкой, а мне сослужит добрую службу, – проворчала молодая особа, легко запуская стартером двигатель.

«Машину водить я умею, мотоцикл приходилось, пришла пора научиться управлять "квадроциклом"», – промелькнуло у доблестной девушки, когда она, поддавая газу, покидала пределы незапертого хранилища. Постепенно осваивая новый вид транспорта, Вихрева была приятно удивлена, что, оказывается, в управлении он вовсе и не затейливый.

Пока она находилась в отдалённом селении, самонадеянные бандиты, увлечённые «весёлой», по их мнению всецело безмятежной, погоней, и, предчувствуя незатейливую, одну из самых лёгких, добычу, уверенно направлялись по чёткому следу. Они беззаботно шутили, предполагая, кто же первым подстрелит распущенную девицу. Хотя, с другой стороны, все тотчас же соглашались, что, поскольку удалой атаман идёт во главе, первым заметит беглянку, естественно, он. Неожиданно промахнётся?! Срамная мысль не закрадывалась даже самому тупоголовому тугодуму. Впрочем, неугомонный дух охоты таков, что каждый желает произвести тот последний, окончательный и решительный, выстрел.

Неторопливо они подобрались к лесному участку, где Мария делала сама себе сложную операцию, извлекая из хрупкого тела свинцово-стальную пулю. Борисов поднял кверху правую длань, что означало – необходимо остановиться. Спешился. Предоставил остальным спутникам последовать показанному примеру. Пристально осмотрев ближайшую местность, внимательный главарь приподнял приплюснутый шарик, представил на общее обозрение и сделал логичное заключение:

– Смотрите: подстреленная шлюха оказалась не так уж проста! Рыжая «паскудница» смогла извлечь мешавшую пулю, а значит, теперь она движется намного быстрее.

Не переставая дивиться, бывалые «охотнички» проследили, как она перебежала с места на место, недоумевая, зачем ей, раненой, то странное дело потребовалось.

– Наверное, пыталась согреться, – высказалась неглупая Грета, неуверенно пожимая плечами.

– Может быть, – согласился Борисов, а злобно оскалившись, небрежно добавил: – А возможно, и с ума с перепугу сошла! – И вызвал дружный хохот «недалёких» лесных соплеменников.

Постепенно, досконально изучив все маленькие детали, преступные гонители определили конкретное направление, куда соизволила двигаться (никто, конечно, не сомневался) давно обречённая жертва.

– Вы, в паре, останетесь здесь, – отдал Виктор Павлович категоричное приказание, и адресовал его двум крайне непривлекательным соучастникам, находившимся ближе всего.

Оба виделись ростом чуть выше среднего, казались чрезвычайно, сверх меры, накачанными и, как следствие, круглолицыми. Единственным различием можно выделить возраст:

одному было лет двадцать пять, второму – за тридцать. Возражать, само собой, ни тот ни другой не отважились, хорошо зная крутой предводительский норов и ничуть не желая лишний раз его испытать.

Когда основные приоритеты посчитались расставленными, остальные злоумышленники продолжили начатое преследование. Они особенно удивились, когда обнаружили, что отступной путь загнанной девушки проходит напрямую к бандитской деревне.

– Походу, она заплутала? – неуверенно предположил один из сообщников, ехавший чуть сзади изумлённого главаря.

– Посмотрим, – ответил Борисов, о чём-то задумчиво размышляя; для пущей выразительности он свёл к переносице грозные брови.

Следуя точно по следу, они, и действительно, очень быстро оказались в собственном поселении. К наступившему моменту с боевой беглянкой их разделяло ровно десять минут.

– Внимательно здесь всё осмотреть! – приказал озадаченный главарь, слезая с мотоциклетной техники.

Исполнительные злодеи незамедлительно исполнили несложное указание. Спешившись, стали оголтело носиться вдоль по лесной деревне, занимаясь активными поисками до крайности обнаглевшей шалавы. Вдруг! Шульц, сразу пошедшая к главному дому, голосом, срывающимся от волнения, отчаянно вскрикнула:

– Виктор! Егор... здесь.

– Что Егор?! – остервенело заорал атаман, приближаясь к неподвижному телу.

Дождаясь бешенного избранника, Грета предусмотрительно отошла и словно застыла в почтительной позе. Едва подошёл, Виктор Павлович увидел мёртвое тело брата, лежавшее в луже собственной крови. Из родственной груди мгновенно вырвался крик, наполненный и гневом и яростью. Как будто подкошенный, тот бросился вниз и упал на колени, опустившись взъерошенной головой на бездыханное туловище.

Пока он предавался жуткому, ни с чем не сравнимому, горю, Мария остановилась в лесу, для того чтобы приготовить и неожиданный, и неприятный сюрприз. Она услышала истошный, наполненный страданием, вопль, как раз когда сделала преднамеренный останов и когда меж двух деревьев, отстоявших друг от друга на незначительном расстоянии и расположенных по выбранному движению, натягивала прочную прозрачную леску (которую прихватила там же, в бандитской деревне); её она расположила аккуратно на уровне глаз продвигавшегося мотоциклиста. Оставшись довольной, Вихрева с удовлетворением, словно змея, прошипела: «Это нехитрое приспособление «поостудит» ваш развоевавшийся пыл, да и ехать вы будете намного потише». Целиком смирившись с создавшимся положением, она улыбнулась нахлынувшей мысли и продолжила двигаться дальше, прочь удаляясь от злополучной деревни.

Очумевшие негодяи слышали, как метрах в пятистах-семистах уверенно завёлся мотоциклетный двигатель, но не решились побеспокоить горявавшего предводителя и рассказать ему о значимом обстоятельстве. Скорбевший брат рыдал молча, не произнося ни единого звука. Никто из ближайших соратников раньше не видел, чтобы страшный, жестокий мужчина оказался способен на сострадательные, едва ли не нежные чувства. Они молча стояли в стороне, наблюдая немую картину и ожидая, чем же она закончится.

Минутная слабость длилась непродолжительно: по прошествии трёх минут, показавшихся целым часом, преступный лидер неторопливо, точно простое движение давалось с огромным трудом, поднялся и застыл в озлобленной позе. Вопреки изъятию братских чувств, глаза отъявленного бандита оставались сухо-сухими: негромкие рыдания прошли без выделения чувствительных слёз. Атаманская физиономия выглядела настолько хмурой и мрачной, что по бывалым разбойничьим спинам пробежал суеверный холодок благоговейного страха.

Поработав с неприветливой мимикой (то расширяя губы, то выпячивая вперёд, каждый раз показывая белоснежные зубы), Виктор Павлович так-таки справился с великой печалью и жёстко, сосредоточенно произнёс:

– Значит, так... теперь «сучью шалаву» никто убивать не смеет – берём её только живой! Я лично ею займусь и прямо с живой спущу развратную шкуру. Всем всё понятно?!

– Конечно, – с готовностью отвечали подручные соучастники.

– Тогда быстро в путь! – резко скомандовал разгневанный атаман, направляясь к моторной технике.

Тем временем один из расторопных участников определил приоритетное направление, по которому исчезла разухабистая беглянка:

– Она поехала той же дорогой, что и шла накануне.

– Как поехала?... – не понял Борисов.

– Да, – немного смущаясь и стараясь не смотреть разъярённому избраннику прямо в глаза, констатировала с виноватой мимикой Шульц, – дерзкая нахалка твой японский «квадрик» с собой прихватила.

– Что?... Что?! – напроць меняясь в лице и делаясь не просто пунцовым, а едва ли не чёрным, заверещал Виктор Павлович, как резанный поросёнок. – Да вы чего, с ума тут, что ли, все «посходили»?! Какая-то третьесортная шлюха водит вас за нос, убивает меньшого брата, да ещё и умудряется присвоить первоклассный «японец», какой даже я беру лишь в исключительных случаях?! Это, пожалуй, край!.. Всё, вперёд! Теперь вы понимаете, что просто обязаны поймать презренную «суку», и предоставить мне непременно живой?!

Никто на тот эмоциональный монолог ничего не ответил; наоборот, с готовностью повскакали на транспортные средства, чтобы мухой мчаться в стремительную погоню. И тут! Услышали отдалённые выстрелы, доносившиеся с лесного участка, где чуть раньше оставили двоих наблюдателей.

– Наверное, наши парни палят в «стервозную девку», – смущенно заметила Грета. – Она выскочила на них, а они-то пока не в курсе, что убивать её больше нельзя.

– Рацию мне... быстро!!! – хриплым голосом закричал раздосадованный вожак.

Оробелая девушка передала радиийный предмет, и сразу же последовал вызов.

– Бойко! – обращался разгневанный лидер к наиболее старшему. – На связь! Приём. Быстро!

Никто ему не ответил, потому как на той стороне разворачивались события, для грубых лесных обитателей не слишком обычные, отнюдь не привычные.

Закрепив тугую леску, Маша, как позволяла великолепная «мототехника», стала энергично накручивать газ, чтобы умчаться как можно подальше. Приближаясь к знакомой местности, где провела прошедшую ночь, неустрашимая беглянка заметила две мужские фигуры. Они одиноко скучали и не знали, чем бы занять себя в период томительных ожиданий (один сидел на «снегоболотоходе», другой нервно ходил то взад, то вперёд). Чуть снизив начальную скорость, предприимчивая девушка извлекла злодейскую чёрную маску (также прихватила в центральном доме) и надела на непокрытую голову.

Заметив, что приближается умелый мотоциклист, одетый в камуфляжную форму, недалёковидные бандиты первым делом предположили, что основные мероприятия удачно завершились и что за ними выслали единственного гонца; пеший даже пошёл навстречу. Как же страшно он был удивлен (и, наверно, обескуражен?), когда неожиданно улицезрел, как, не доезжая метров дык двадцать, член (вроде?) их банды вскидывает снайперскую винтовку и чётко прицеливается. Инстинктивно оба разбойника повторили продемонстрированное движение. Пеший ещё не успел упереться прикладом в плечо, а уже звучал характерный выстрел – меткая пуля попадала прямоиком меж хлопавших зенок. Заряд был разрывной, и он разнёс бездумную голову, как спелую тыкву.

Мгновенно поменяв первичное направление, Мария настойчиво устремилась ко второму участнику опасного, скорее смертельного, randevu. Прицелиться не успела. Другой, сообразив, что случается нахальное нападение, не стал особенно размышлять, а увидев в обезличенном мотоциклисте вероломного недруга, выстрелил из длинноствольного карабина.

Выпущенная пуля попала в девичью грудь и мощным ударом сбросила с моторного транспорта. Даже через прочный бронежилет почувствовалась немалая боль, но сознание она всё же не потеряла. Неуправляемый «снегоболотоход» врезался в стрелявшего горе-охотника. Не сумев удержаться в седле, тот неуклюже повалился на бrenную землю.

Пока выживший соперник пытался сгруппироваться, Мария поспешно вскочила и, откашливаясь после болезненного воздействия, уверенной походкой направилась к непримиримому неприятелю. Винтовочный приклад жёстко прижимался к плечу, направляясь удлинённым стволом в сторону возможного появления: она готовилась в любой момент прицелиться и открыть по возникающей цели убийственную стрельбу. Ей оставалось не больше пяти шагов, как предумышленно подмётилось, что из-под вражьего «квадроцикла» высовывается карабинное дуло. В любое мгновение оно привелось бы в губительное, боеспособное состояние, причём у скрытого врага состоялось немалое преимущество – он находился за идеальным укрытием.

Понимая невыгодную особенность и не достигнув выбранной цели, отважная воительница (раз!) резко присела, определилась с предположительным направлением (где засел недружелюбно настроенный неприятель) и (хотя воочию так его и не видела) предупредительно выстрелила. Болезненный вскрик и мужское кряхтение – всё это возвестило об очевидности удачного попадания. Скорёхонько приподнявшись, Вихрева лётом приблизилась к заглухшим «снегоболотоходам», обежала их с той стороны и увидела раненого головореза, валявшегося на земле и корчившегося от боли.

На минуту сделалось жалко хотя и кровожадного, но подстреленного противника, и сдобольная девушка хотела даже оставить его живым (определила, что попала в правое плечо, сверху, приблизительно в районе ключицы); однако, послушала внутренний женский голос. Он здраво твердил: «Ты что, глупая дура, совсем ополоумела, что ли?! Не сомневайся, тебя он жалеть не будет! Оставишь его живым – получишь ещё одного безжалостного преследователя. Тем более смотри: он уже тянется к карабину, чтобы тебя убить... И выполнит однозначно!» Маша прицелилась и в ту же секунду произвела окончательный выстрел, попав, как и полагается, в бездумную голову. Патрон оказался простой, но его целиком хватило, дабы навсегда отключить мыслительные процессы, не склонные к словесным переговорам. Защитная процедура производилась сугубо вовремя, так как подраненный злыдень успел перехватить пятизарядное оружие здоровой рукой и собирался им практически воспользоваться.

Когда, испустив крамольный дух, тело очередного врага замерло в безмятежном спокойствии, на окровавленной груди неожиданно заговорило техническое устройство, предназначенное для дальних переговоров. Как ранее говорилось, взбешённый атаман в который раз вызывал на связь двоих пособников, оставленных на страже и отстранённых от основного преследования.

– Да ответьте же кто-нибудь! – орал он разгневанным голосом.

– Некому отвечать, нет более нерадивых опричников, – было ему отвечено высоким, уверенным голосом.

– Что ты, «поганая тварь», такое несёшь?! – не унимался яростный предводитель.

– Я их убила, – без тени беспокойства отвечала смелая девушка, – кто сунется – того ждёт та же прискорбная участь.

– Да, ты чего, растленная шлюха, «вааще», «с дуба», что ли, «шальная паскуда», «рухнула»?! Ты понимаешь, с кем сейчас разговариваешь?! Я же с тебя, «развратная сучка», с

живой спущу «шкуру» и затолкаю... сама отлично знаешь куда! Я лично заберу твою блудливую жизнь и вырву «шалавье» сердце!

– Не я открыла живую охоту и начинала смертельную битву, – только и сказала Мария, пренебрежительно отбросив ненужную рацию в сторону.

Из бесхозного аппарата долго ещё летели душещипательные угрозы и грубая матерщина, вырывавшиеся из лужёной разбойничьей глотки; они продолжались, пока неуравновешенный главарь не понял, что на противоположном конце его никто уже больше не слушает. Он моментально отдал суровый приказ, чтобы немедленно выдвигаться, чтобы быстрее нагнать растленную шлюху и чтобы жестоко растерзать третьесортную проститутку, осмелившуюся противостоять ему – атаману Борису! В основном лагере решили оставить двух членов преступной группы, а именно тех, что были порасторопней. Им строго-настрого поручалось поглядывать в оба, что в общем они и сами отчётливо понимали; все воочию видели, как никчёмная (вроде бы?) девка умело расправляется с врагами, превосходящими в физической силе и более подготовленными.

Отважная барышня, с самого начала опьянённая лёгкими, а главное значимыми, победами, скоординировалась орудовать немножечко по-другому. Заметив неподалёку широкий, но невысокий пригорок, взобралась на покатую вершину и устроила непритязательную засаду, замаскированный наблюдательный пункт. Лесное транспортное средство предусмотрительно поставилось с противоположного окончания, чтобы иметь возможность незамедлительно скрыться; оно осталось под прикрытием того же невзрачного холмика. На пути повторного бегства хитроумная девушка снова натянула прочную леску (точно так же, как сделала немногим пораньше). Закончив приготовительные процессы и расположившись в томительном ожидании, она поразмыслила, что неплохо бы основательно подкрепиться. Достав говяжью тушенку и с помощью дамского ножика открыв жестяную банку, Вихрева с аппетитом уничтожила часть похищенного припаса. Насытившись, она вдруг почувствовала, как свинцовые веки разом отяжелели. Мария погрузилась в непродолжительный сон, безмерно необходимый и частично способный восстановить наличие и моральных, и физических сил.

Глава V. Мучительные видения

Заснув, Маша предалась неприятным, невольно пришедшим, воспоминаниям. Понятно, они связывались с полюбившимся капитаном, с которым связывалось столько личных надежд, заветных мечтаний, и который безвременно сгинул. Впрочем, проставленная в служебном деле первичная мотивация «пропавший без вести», оставляла пусть и небольшую, но счастливую вероятность; она позволяла надеяться, что он живой, просто по каким-то (видимо, субъективным?) причинам не может подать достоверных известий. Поэтому терпеливая девушка до конца не отчаивалась, настойчиво полагая, что рано или поздно тот непременно объявится.

Иван Ковров представлялся самодостаточным мужчиной, достигшим тридцатилетнего возраста. С восемнадцати лет он служил в специальных военных подразделениях, добился там немаленьких результатов, а пройдя профессиональное обучение, получил офицерский чин и дослужился до капитана. Дважды награждался орденом Мужества, единожды получил медаль «За отвагу». Ростом он виделся чуть выше среднего; широкие плечи, массивные бицепсы, выпуклая грудь и характерные шашечки брюшного пресса – всё говорило, что человек тот обладает значительной силой. Овальное лицо было не столько красивым, сколько приятным, не по-мужски привлекательным; широкие серо-оливковые глаза казались не в меру живыми и «светились» смысленной проницательностью, беспрекословной уверенностью, а главное, какой-то исключительной добротой, для представителя сильного пола не слишком естественной; массивный лоб выдавал наличие пытливого разума и изощрённой сообразительности; дугообразные брови, прямой, аристократический нос и аккуратные алые губы дополняли портрет отважного человека. Подводя итог, представленный военный, с одной стороны, готов был в любую минуту прийти на помощь более слабым (то есть никогда не использовал природные возможности для достижения низменных целей либо унижения человеческого достоинства), с другой становился беспощадным с отъявленными врагами.

Вот именно в бескорыстного героя, побывавшего в многочисленных боевых операциях, и влюбилась не менее смелая Вихрева. Само их знакомство произошло при необычных, если не роковых обстоятельствах...

Около шести лет назад её «купил» молодой человек, казавшийся с виду интеллигентным и крайне воспитанным; он оделся в дорогой костюм, под разноцветный галстук, и предложил за неё немалые деньги. Хрустов объяснил принятые правила достойного поведения, а заодно и немаловажный пункт, гласивший о негативных последствиях, наступавших в случае прямого невыполнения. Закончив непродолжительный инструктаж, Андрей без зазрения совести «передал» тому подвластную проститутку. Мария села в шикарный автомобиль (естественно иностранного производства) с каким-то интуитивным предчувствием неизбежной беды. Впрочем, быстренько отогнала тревожные мысли: они оставались в городе, рядом находился «боевой» сутенер (которому – ежели что? – вычислить обидчика особого труда не составит), терпение же в нелёгкой «профессии» – какая ни есть суровая добродетель.

Предчувствия Вихревой оказались отнюдь не беспочвенны. Богатый отпрыск, извращённый и избалованный, сын состоятельных бизнесменов-родителей, поощрявших любые выходки, имел небогатых, скорее бедных, друзей; среди них он являлся непререкаемым лидером. Уверенный в собственной безнаказанности (папина охрана могла обезвредить любую бандитскую группировку), переросший придурок задумал основательно выделиться, а заодно и сделать более «мелким» товарищам «бесценный» подарок – предоставить «сказочную» возможность потешиться с развратной девушкой, имеющей глубоко заниженный социальный статус. Поняла Мария, что конкретно её ожидает, лишь когда крутая машина подъехала к типичному мини-фургону. В нём находилось одиннадцать молодых парней, смотревших на неё и очумевшими, и голодными, и безжалостными глазами.

– Такого уговора не было, – запротестовала перепуганная путана, осуществляя попытку вырваться и прочь бежать от предполагаемых садистов-наильников.

– Нет, порочная «сучка», – злобно сказал отмороженный переросток, – за тебя заплатили немалые деньги, и ты – хочешь того или нет?! – их сейчас отработаешь, – и смачно влил ей болезненную пощечину.

– Двенадцать человек – это слишком, – чуть не рыдая, запричитала юная проститутка, – одной мне с вами не справиться.

– А нам на это «насрать»! – орал подвыпившие ироды-выродки, едва ли достигшие совершеннолетнего возраста, но страстно возжелавшие женского тела; они, обтекая слюнями, поочередно выбегали наружу, а значит, милосердной пощады ждать явно не приходилось. – Ты, главное, расслабься – глядишь, обойдётся.

– Вам это с рук не сойдёт – и всё равно придётся ответить! – только и успела сказать возмущённая проститутка, охватываясь нервной, лихорадочной дрожью.

В тот же момент кровожадный предводитель ударил её под дых, и Мария, пытаясь хватать, как рыба, ртом воздух, внезапно почувствовала, что лёгкие неожиданно-негаданно перестали работать. Сделав несколько безуспешных попыток, она потеряла сознание, бесчувственным телом распластавшись на асфальтовом покрытии почвы.

Громкоголосо веселясь и выкрикивая победные кличи, отъявленные подонки потащили безжизненное туловище внутрь легкового фургона. Они предчувствовали, как насладятся интимной близостью, и как неплохо позабавятся с расфуфыренной кралей, и как по полной программе удовлетворят самые грязные пожелания, отвратительные потребности. Уверенные в исключительном превосходстве, разнузданные наильники даже не потрудились закрыть в машине задние дверцы. Столпившись неподалёку, каждый дожидался собственной очереди. Внутри, как будто специально для низменных целей, оборудовался удобный «топчанчик», предназначенный для поганого, по части противного, дела.

Вырубленная путана очнулась, когда наступил черёд третьего. Постепенно к ней возвращалась трезвая память. Вспомнив жутковатое происшествие, какое с ней ранее приключилось, она ужаснулась, представив, что ей придётся выдержать двенадцать ненасытных молодых подонков; и ещё неизвестно, насколько извращенные мысли таятся в их безрассудных умах, разгоряченных безумным алкоголем и умопомрачительной наркотой. Она предприняла неистовую попытку высвободиться и остервенело поползла из-под следующего наильника, безжалостно тиранившего прекрасное тело. Не достигнув желаемого успеха, Маша срывающимся, охрипшим голосом закричала:

– Помогите! Пожалуйста, помогите!

И моментально получила сокрушительный удар в красивое личико, прямо в область тоненькой переносицы, – и вновь потеряла сознание. Однако громкие призывы не остались совсем никем ни услышанными: как раз в тот трагический миг мимо проходил капитан спецназа Ковров, направлявшийся с повседневной военной службы домой. Увидев качавшийся автофургон, обезумевших, с горевшими глазами, парней, столпившихся подле, а также услышав девичьи мольбы о помощи, он сразу же понял всё здесь случившееся и действовал немедленно, быстро.

Словно ветреный ураган налетел он на стоявшую возле машины бесшабашную молодёжь. Широко расставив в стороны обе руки, весом мощного тела и силой внезапного натиска Иван потеснил разудалую группу от входа. Он отогнал вероятных соперников немного поодаль, сам же оказался ровно напротив беспардонного отпрыска, ещё незрелого, но уже осуществлявшегося противоправное половое сношение.

Схватив очередного наильника за ноги, подготовленный боец специальных подразделений резким движением стащил его с бесчувственной жертвы и бесцеремонно выволок из салона наружу. Умелый спецназовец не дал ему ни много ни мало опомниться, а когда голова

отпетого отморозка очутилась на краю дверного проема, ладонью правой руки и применяя немалую силу довёл её до верхней части защитного бампера. Бессознательное тело безжизненно плюхнулось на гладкий асфальт; по крайней мере, за одного можно было больше не беспокоиться: черепно-мозговая травма была тому обеспечена.

Закончив с первым, Ковров обернулся, чтобы исключить внезапное нападение, готовящееся со стороны осатанелых членов обкуренной группы. Те уже оправались от первичного шока и обступили народного мстителя живым полукругом, перегородив любые пути возможного отступления. «Десять», – машинально насчитал практичный спецназовец. Настал напряжённый момент. И тут! Из-за внутренней стороны фургона вышел хорошо одетый юноша, беспардонный и нагловатый; он удерживал бейсбольную биту. Пока вступившийся за беззащитную девушку профессиональный герой расправлялся с очередным неугомонным насильником, влиятельный отпрыск сбегал до иностранной машины и достал из неё губительное оружие.

– Тебе жить надоело? – спросил оголтелый молодой отморозок, покручивая перед отважным одиночкой деревянное приспособление, изначально предназначенное для игры в бейсбол и только потом применимое к чудовищной драки.

– Ребят, – спокойно ответил молодой офицер, зорко следя за раздурившимися парнями, – давайте сделаем так: я заберу несчастную девушку, мы спокойно отсюда уйдем, и – тогда! – обещаю, никто здесь больше не пострадает.

Произнесённые слова вызвали громогласный хохот осатаневшей толпы, необузданной и пьяной, не способной хоть сколько-нибудь пораскинуть задурманенным мозгом. «Очевидно, они находятся под курной наркотой, то есть уговорить их, вызывая к разуму, навряд ли получится», – предположил про себя военный, причём вполне справедливо.

– Ну, а что будет, если мы вдруг откажемся вас отпустить? – прервал недолгие мысли ухмылявшийся отпрыск богатых родителей, когда все остальные спутники как следует просмеялись. – Что тогда?..

– В противном случае придётся всех вас наказывать и, конечно же, делать больно, – невозмутимо пообещал Иван, а следом печально, с наигранным вздохом, добавил: – Хотя мне бы очень этого не хотелось.

Да?! – внезапно придав лицу звериное выражение, прорычал отмороженный предводитель. – Ты в этом уверен? А ну-ка... попробуй!

В подтверждение серьёзности гнусных намерений одуревший парень замахнулся бейсбольной битой; она направлялась напрямую в голову бесстрашного незнакомца, невероятно наглого и помешавшего им вдоволь повеселиться. Отворачиваясь от опасного попадания, наносимого прочным предметом, Ковров сделал левый шаг в сторону, развернул корпус сильного тела и резко продвинул его вперед. Нетрудно догадаться, при произведённом манёвре деревянная колотушка ударила в пустоту.

К пострадавшей проститутке как раз вернулось сознание. Присев на продолговатой кушетке, она с удивлением наблюдала, как за неё решительно бьётся неизвестный, но очень умелый мужчина.

Тот, продолжая проведение начатого приёма, перехватил нахального обидчика за «боевое» запястье и, помогая второй, довёл ударную кисть на излом, ослабляя цепкую хватку. Падавшее оружие остановилось правым носком, было ловко приподнято кверху и перехвачено преобладавшей рукой; левая в тот миг выпрямленными пальцами била в сонную артерию развоевавшегося противника. Продемонстрированное движение являлось отточенным, неоднократно применялось на практике, в связи с чем наносилось мастерски, своевременно устраняя главную силу раздурившейся братии. Теряя сознание, молодой отморозок медленно опустился вниз и растянулся в дорогом костюме на грязном асфальте.

Потеряв нахального предводителя, агрессивные молодчики несколько приуныли. Решив воспользоваться их кратковременным замешательством, боевой офицер повторно распорядился:

– Ещё раз предлагаю разойтись по-хорошему и дать нам спокойно уйти, – сказал и, указывая на лежащих людей, добавил: – Как изволите видеть, данное слово держу.

Мария?! Она смотрела на неожиданного избавителя поистине восхищённым взглядом. Он тоже краешком глаза сумел заметить, что измученная девушка в салоне очнулась. Весомое подспорье значительно облегчало благополучное отступление, ведь в противном случае пришлось бы выносить её практически на руках.

Тем временем преступные элементы испытывали чувства совсем не такие, какие были у Вихревой, впечатлённой от появившегося спасителя. Все они, вместе взятые, отчётливо понимали, что если отпустят людей живыми, не избитыми до беспамятства, то безжалостный предводитель, едва лишь очнётся и прознает о трусливом предательстве, сам учинит им немедленную расправу. Зная жуткие методы достопочтенного «папеньки», никто из обкуренных отморозков и в мыслях не допускал, чтобы испытывать всю силу беспощадного гнева как кровожадного сына, так и «бандитствующего» родителя. Наверное, руководствуясь столь серьёзной причиной, бездушные насильники и пораздумали, что лучше оказать сопротивление никому неизвестным чужим, чем впоследствии получать хорошую взбучку, но разве уже от своих.

Ничего не отвечая на практичные призывы военного, все десять человек разорвали томский воздух громкими криками и озлобленным улюлюканьем, а следом бросились в ожесточённую схватку. Однако нападать всем вместе не получалось, так как опытный боец-спецназовец занял выгодную позицию, не позволявшую приблизиться общим скопом.

Первый нападавший парень принял на разъярённую физиономию закруглённый, более толстый, конец тычком, и тут же лишился сознания, которое словно бы вылетело из брэнного тела. Второй, рвавшийся едва ли не единовременно, испытал на прочность хрупкую переносицу, но уже от конца от второго, от тонкого – её пришлось проверить резким, отменно доведённым ударом... Посыпались ли разноцветные искры? Скорей всего, да, так как, схватившись за повреждённое место и согнувшись пониже, он отбежал несколько метров в сторону, присел у ближнего многоэтажного дома и стал обливаться и горячими слезами, и пенистой кровью.

Третий появился несколько неожиданно. Ковров лишь краем глаза уловил движение сбоку, но безошибочно вычислил, что в его голову летит огромный, ни с чем не сравнимый, кулак. Уклоняясь от страшного попадания, он легонько присел, не забыв выставить в бок согнутый локтевой сустав. Громкое болевое кряхтение отчётливо возвестило, что произошло прямое попадание в неприятельский пах, на какое-то время отбив у нерасторопного выродка желание вообще с кем-либо драться. А к одинокому бойцу рвался уже четвёртый! «Спружинив» на обеих ногах, Иван повыше подпрыгнул и, крепко держа бейсбольную битку, отполированный центр «познакомил» с округлым подбородком настойчивого мерзавца – проверенный болевой приём надолго вывел очередного недруга из затянувшегося сражения.

Перед боевым офицером образовалось достаточное расстояние, позволявшее произвести несколько маховых, по большей части пустых, ударов по воздуху; так он отгонял от себя шестерых оставшихся «полупридуриков», «полубандитов», «полубездельников». Воспользовавшись образовавшейся передышкой, Ковров ненадолго остановился, чтобы перевести разгорячившийся дух и определиться с дальнейшими действиями.

В то же время Мария, сняв порванные колготки, нашла в салоне металлическую полудюймовую трубку, имевшую размер чуть менее метра. На удивление ловко выпрыгнула наружу, встала рядом с невольным защитником и приготовилась помогать ему продолжить ожесточённое, едва ли не боевое сопротивление. Доблестный спецназовец посмотрел на помощницу, внезапно пришедшую на подмогу, недоверчиво ухмыльнулся, но ничего не сказал, предоста-

вив господину случаю рассудить, какой из дополнительной силы выйдет в ближайшем будущем толк.

Недолго думая, отмороженная шестёрка набросилась на обоих отважных соратников. Одного взяла на себя Вихрева. Неумело махая железным оружием, она умудрилась попасть ему по правой ладони. Тот взвыл от нестерпимой шоковой боли, предоставив разошедшейся девушке ударить по бестолковой башке. Когда он согнулся, обхватив повреждённую голову ободранными руками, разъярённая путана принялась многочисленно и безостановочно колотить по согбенной спине, пока он вконец не упал; но и там она, всё более распаляясь, никак не могла прекратить его избивать – уже ногами пинала поверженного мерзавца, практически безвольного, не представлявшего серьёзной опасности. Сами виноваты! У неё случилась форменная истерика, наконец-то нашедшая обоснованный выход.

Пока Мария боролась с одним, обученный спецназовец с легкостью расправлялся с оставшимися: первому перебил кадык; второму – оба плеча; третьему – ключицу; четвёртого отправил в нокаут простым ударом по непродуманной «бестолковке»; пятому, недолго думая, сломал пару передних рёбер. Заканчивая, всем, кто оставался в разумной памяти, он применил различные приёмы, направленные на продолжительную потерю сознания, – в основном перебил сонную артерию и заднюю часть затылка.

Проделав привычную боевую работу, Ковров оттащил от противника обезумевшую Марию, а приведя её в чувство лёгкой пощечиной, предложил пройти на съёмную жилую квартиру, где можно привести себя в порядок и несколько успокоиться. Вот так завязалась близкая дружба между двумя чужими людьми, ранее полностью незнакомыми и отмеченных различным происхождением, социальным положением в обществе. Образовавшаяся привязанность всё более крепла и постепенно перерастала в нечто высокое, неразлучное, светлое. Спецназовский офицер отнёсся вполне нормально, что спасённая девушка оказалась развратной путаной. Покажется странным, но вскрывшееся обстоятельство ничуть его не смутило; напротив, он воспринял дурное известие с немалым сочувствием, прекрасно понимая, что после детского дома у Марии не появилось другого, наиболее достойного, выбора.

В дальнейшем, каждый раз, возвращаясь из дальних командировок, Иван «покупал» полюбившуюся проститутку не менее чем на сутки, всё больше к ней привыкал и неотвратимо сближался. Как уже упоминалось, во время частных встреч он обучал рыжеволосую девушку военному делу. Она, как благодарная ученица, постигала его весьма и весьма успешно.

Так прошло четыре года, пролетевших словно один и показавшихся им обоим недолгими. Молодые люди давно отдавали отчёт, что сильно друг друга любят и что им пора узаконить возникшие отношения, сделав их более близкими. Однако у предусмотрительного спецназовца отмечалась одна особенность, для любившего человека несколько необычная: он не смел с ней связаться браком, пока не обзаведётся благопристойным жильем. Уезжая в очередную поездку, Ковров заверил милую девушку, что она случится последней и что он добудет необходимую сумму, достаточную для приобретения трехкомнатного жилища. Тогда он обязательно сделает счастливое предложение. Но! Жестокая судьба распорядилась совсем по-иному: она перевела офицера специальных подразделений в статус «пропавшего без вести». Вихрева лишилась всякой надежды, позволявшей вырваться из беспросветного ада, в котором она с огромным сожалением пребывала.

Глава VI. Нежданная встреча

Пока Мария спала, погружаясь в воспоминания прошлого, лесные бандиты, увлечённые настойчивой идеей поимки, бросались в ухарскую погоню. Точно зная, куда им необходимо ехать, они влетали в лесной массив, залихватски восседая на «квадроциклах» и двигаясь по ими же накатанной колее; мчались они на скорости никак не меньшей, чем шестьдесят километров. Каждый спешил первым захватить никчёмную, «мерзкую суку», бросившую и открытый, и оскорбительный вызов.

Горевавший атаман, удручённый смертью младшего брата, превосходно осознавал, что многочисленные соратники незатейливо управятся с поставленной пред ними несложной задачей; он счёл возможным двигаться в конце переднего авангарда, оставаясь на минимальной скорости и предаваясь тоскливым мыслям. Сопровождала его, естественно, Грета, верная женину долгу – всегда быть подле крутого избранника. Они ехали молча, потому как практичная девушка, зная атаманский взрывной характер, не решалась прервать печальное одиночество; она держалась немного поодаль, готовая в любой момент встать рядом с Борисовым.

Внезапно! Прямо впереди они услышали громкие крики, матерные ругательства и характерный скрежет железа.

– Это что ещё за такое? – гораздо больше нахмурившись, гневно бросил рассерженный, ни на шутку встревоженный, лидер. – Что тут вообще, «...их мать», происходит?

– Я съезжу узнаю, – Шульц поспешила сказать полезной.

– Нет, – строго провозгласил матёрый главарь, – поедем вместе, – он, добавив газу, погнал на повышенной скорости.

Когда они прибыли к месту общего сбора, то обнаружили немыслимое столпотворение: во-первых, «снегоболотоходы», сгрудившиеся в неестественном беспорядке; во-вторых, нервных соратников, недовольно расхаживавших вокруг и недопонимавших возникшую обстановку. Обладая зычным, ни с кем не сравнимым, голосом, Виктор Павлович закричал:

– Что, чёрт возьми, у вас здесь творится?!

Горе-охотники, услышав грозный предводительский голос, немедленно замолчали, а потупив стыдливый взор, опустили глаза – упёрли их едва ли не в самую землю. От них отделился один разбойник, казавшийся самым зрелым. Он направился в сторону сурового атамана, чтобы держать подробный отчёт, а заодно и попытаться дать пояснительный ответ на существующие вопросы. На вид ему представлялось не меньше, чем лет пятьдесят, а высокий рост обозначался широкими плечами, мощной грудью и внушал невольное уважение (не только простых соратников, но и самого жестокого главаря).

– Что здесь случилось, Петрович? – обращаясь к подошедшему человеку укоренившимся именем, Борисов, едва старшой преступник приблизился, поинтересовался гораздо спокойнее.

– Если в общем, то приблизительно, Палыч, так – только ему разрешалось обращаться к верховному вожаку по отчеству, – ехали мы, значит, по следу нахальной шалавы, и предвкушали, что вот-вот её, «паскудную тварь», нагоним и передадим напрямую в твои справедливые руки. Вдруг! Лёшка – что является Погремухой – ехавший первым, налетел на растянутую «подлой сучонкой» прозрачную леску. Она располагалась аккуратно на уровне глаз. Принимая во внимание нашу немалую скорость, она впилась ему аж до половины верхнего черепа, прежде чем «квадрик», продолжавший прямое движение, не вырвался из-под безвольного тела. Оно, значит, продолжило мучительно трепыхаться и биться в предсмертных судорогах.

– Что было дальше? – всё больше мрачняя, произнёс задумчивый лидер.

– Дале?.. – продолжая неприятный рассказ, погрузился и без того невеселый Петрович. – Следовавший за ним хотя и нажал на тормоз, но всё равно наскочил на Лёхино туловище, обильно истекавшее кровью, как вышедший из воды промокший утёнок. Резкая остановка

стала очевидной причиной общего столкновения. Пока-а-а ещё другие успели сообразить, чтобы срочно снизить предельную скорость и быстренько разъезжаться по сторонам?..

– Ясно, – пробурчал Борисов голосом, не предвещавшим ни доброго, ни хорошего, – выходит, развратная шлюха оказалась отнюдь не тупой, далеко не трусливой и вовсе не глупой, – сделал небезосновательное заключение полушёпотом, а значительно громче, чтобы слышали все, грубовато прибавил: – Едем медленно, внимательно глядясь у себя перед носом! Двое остаются похоронить Погремуху, потом догоняют. Остальные?.. Двигаем в путь.

Приказание выглядело достаточно ясным, и послушные бандиты, по-быстрому рассевшись по транспортным мотосредствам, не замедлили продолжить нехоти прерванное движение. Практичный атаман предусмотрительно, и с неизменной Гретой, предпочёл оставаться в самом конце. Теперь продвижение выглядело излишне замедленным, а максимальная скорость не превышала двадцати километров. Ехавший впереди страшно переживал, каждую секунду ожидая очередного подвоха, и тщательно всматривался вперёд.

Природная интуиция, как и обычно, не подвела ненадолго задремавшую Вихреву; она проснулась, когда шум мотоциклетных моторов раздавался в трёхстах метрах от выбранного участка, где отважная воительница предприимчиво укрывалась. Мгновенно сбросив остатки тревожного сна, нечаянно её обуявшего, отменная «снайперша» заняла удобную, наиболее выгодную, позицию. Прицеливаясь, навела винтовочный ствол в ожидаемом направлении, откуда должны появиться жестокие отморозки. Через оптический окуляр чётко вырисовывалась длинная вереница преследовавших бандитов. Обладая импульсивным характером, решительная девушка установила первичные цели и, ни секунды не размышляя, один за другим произвела чёткие, прицельно бившие, выстрелы.

Члены лесной банды, посланные вперёд, падали с «квадроциклов» словно подкошенные: Мария, предполагая на грузных телах защитные бронежилеты, направляла смертельные пули напрямую в неразумные головы. Она успела поразить четверых, прежде чем ошарашенные противники сумели понять, что попали в ловко расставленную засаду. Они поспешно спрыгивали на землю, определяли опасное направление, откуда осуществлялось ведение безудержного огня, после чего сразу же открывали и шквальную, и беспорядочную пальбу.

Удовлетворившись ощутимым смятием, внесённым в ряды безжалостных недругов, неустрашимая девушка, как только случился ответный огонь, отползла немного назад (рюкзак с припасами заранее прикрепила на плечи) и, прикрываясь покатым холмом, заняла водительское место на похищенном «снегоболотоходе». Щёлкнув ключом зажигания, легко запустила японский двигатель, а затем, выжимая из мощной техники, что представлялось возможным, прочь устремилась от злачного места; она всё дальше и дальше углублялась в лесистую глушь, казавшуюся дремучей и практически беспросветной. Между двумя стройными сосенками, где протянула тонкую леску, Маше пришлось чуть-чуть пригнуться, чтобы не стать невольной жертвой собственного подвоха, незатейливого, но крайне опасного.

Ошалевшие бандиты, не прекращавшие бесперебойно стрелять, по понятным причинам не слышали, как отъезжает хитроумная девушка. Они продолжали бесцельно палить не менее минут десяти, чем предоставили бравой беглянке значительно увеличить разделявшее их безопасное расстояние.

– Всё, хватит! – не выдержал раздосадованный Борисов и громкоголосым окриком грозно добавил: – Вы весь боекомплект расстреляете! Чем тогда с напористой шлюшкой воевать собираетесь?!

Лесные разбойники, услышавшие гневный возглас практичного атамана, не замедлили исполнить неоспоримое приказание, но вставать из-за занимаемых укрытий особо не торопились. Их сомнительное поведение объясняется просто: в совсем недалёком прошлом все они стали прямыми свидетелями, как ровно за четыре секунды погибло аналогичное количество

боеспособных сподвижников. Стоит понимать, моторный шум «квадроцикла» Вихревой благополучно затерялся среди могучих деревьев.

– Костыль, Локатор! – прокричал лесной предводитель, обращаясь к двум наиболее молодым и подвижным членам преступной братии, – а ну-ка сползайте осмотрите во-о-он тот неказистый пригорок.

Несмотря на всеобъемлющий страх, те, ни секунды не мешкая, бросились выполнять однозначное поручение [хотя сердца их, если честно, в тот момент колотились как заведенные (ну, или бешенные?) и ощущалась неслабая нервная дрожь, бившая по всему остальному телу]. Опасливо озираясь, засланные разведчики потихоньку добрались до огневой позиции, откуда предположительно осуществлялась снайперская стрельба. Осторожно взобравшись на холм, они спокойно вздохнули, потому как достоверно, доподлинно убедились, что стрелявшая девушка успешно покинула контрольную точку, невероятно удобную и казавшуюся поистине неприступной. Внизу покатога возвышения обнаруживались отчётливые следы быстроходного японского «квадрика».

Вернувшись к невесёлым соратникам, они сообщили обо всём ими увиденном. Не позабыли с озабоченным видом упомянуть, что дерзновенная беглянка, помимо классного вооружения, прекрасно обеспечена съестными припасами – это следовало из пустой консервной банки, оставленной недалеко от планомерной стоянки. Выслушав доклад подвластных приспешников, суровый атаман, обращаясь к остальному «бравому воинству», ухмыляясь спросил:

– Есть ещё такие, кто считает, что нынешняя «охота» будет неинтересной? Уже восемь наших товарищей – включая меньшого брата! – погибли от рук распутной шалавы, на деле оказавшейся непримиримым, а главное полноценно подготовленным, неприятелем.

Угрюмые бандиты понуро молчали, опустив книзу буйные головы; теперь все отлично осознавали, что столкнулись с врагом непростым, обученным военному делу. На лицо выходило, что тот и основательно подготовлен, и оказался натренированным и обученным, а по отчаянной смелости и изощрённому коварству доселе им просто неведомым (даже для нелёгкого, серьёзного и очень опасного дела). Борисов тем временем продолжал:

– Надеюсь, все, здесь присутствующие, хорошо понимают, что дать презренной шлюхе возможность уйти мы попросту не имеем права? Почему? Во-первых, она сразу же наведёт на нас «поганных ментов», и наше тайное убежище окажется под серьёзной угрозой. Ну, а во-вторых?.. Вы и сами неплохо знаете.

Погрустневшие сподвижники молча закивали угрюмыми головами, продолжая впитывать каждое слово, произносимое безжалостным атаманом. Тот продолжал:

– Я предлагаю продолжить начатое движение и, так или иначе, «подлюю суку» выследить! Я отменяю раннее приказание «брать её только живой»: общее дело намного важнее. В связи с последними переменами, я меняю предварительные условия и заманчиво объявляю, что – тому! – кто первым принесёт рыжеволосую голову, я выдам солидную премию, равную десяти тысячам долларов. Кстати, горючего в похищенном «квадрике» оставалось немного, а следовательно, скоро оно должно закончиться. Потом ей придётся либо топтать пешком, либо принимать решительный бой. На что она отважится – я даже не представляю. В любом варианте дальше будем двигаться совсем по-другому: вперёд, метров на триста, пустим двух зорких разведчиков; сами станем двигаться сзади, чтобы – в случае чего? – спокойно оценить тревожную обстановку и действовать сообразно развивающимся событиям. Теперь по машинам – и в путь!

Поникшие преступники, посчитав, что предварительный инструктаж закончен, направились каждый к собственной «мототехнике». Предусмотрительно, перед началом настойчивого преследования, двое бандитов отправились немного вперед, чтобы обеспечить безопасное продвижение остальным. На этот раз передний авангард действовал намного разумнее. Когда, отъезжая от губительного холма, ведущий поравнялся с натянутой Вихревой тоненькой леской

(поскольку скорость была небольшая), он своевременно тормознул, едва лишь та приблизилась к «любознательной» переносице. По портативной рации отправилась примерная передача, что хитрая чертовка не забывает расставлять замаскированные ловушки.

– Будьте предельно бдительны, – ответил им Виктор Павлович, а выключив ручной передатчик, для себя самого, чуть слышно, добавил: – Я уже и сам не представляю, чего ожидать от разухабистой, продуманной «сучки».

Высланный разведчик снял тугое приспособление, предоставив остальным соратникам проследовать безопасно. Те в свою очередь, постепенно отходя от пережитых волнений и не забывая выказывать напускную браваду, шутили, как схватят лихую беглянку, как изощрённо будут её тиранить и как впоследствии безжалостно, а главное, жестоко убьют.

Мария, ничуть не сомневавшаяся, что шадить её, уж точно, не будут, гнала «квадроцикл», выжимая по возможности наибольшую скорость. Проехав чуть более десяти километров, мотоциклетный двигатель сначала предупредительно «кашлянул», а постепенно и вовсе заглох: злополучный указатель топлива уверенно диагностировал нулевую отметку. Делать нечего, дальше нужно было идти пешком.

Не унывая, деятельная девушка успела пройти не менее километров трёх, прежде чем на улице смеркло, а на землю опустилась тёмная, а в чём-то и мрачная ночь. Начинались вторые сутки, которые отважная героиня проводила в отдалённом таежном лесу; однако теперь она оказалась одета гораздо теплей и удобней, получше подготовилась для незавидного времяпрепровождения и чувствовала себя намного увереннее. Она сделала вынужденный привал. Согревающий костер разводить не стала – чтобы не привлекать к себе излишне пристального внимания.

Легонько перекусив, Вихрева совсем уж засобиралась лечь спать, как (вдруг!) в направлении, противоположном, откуда она появилась, проклюнулось слабое, периодически блекнувшее, мерцание. Так мог гореть только очаг, разведенный с помощью человека. Неглупая девушка была далека от мысли, что напуганные преследователи (и она не была далека от суровой истины) сумели бы её настолько опередить, чтобы неожиданно оказались по ходу прямого движения. Не исключено, то могла оказаться необходимая, не заходя долгожданная, помощь. Тем более что прозорливая интуиция не просто твердила, нет! Просто кричала, требуя незамедлительно устремиться вперёд. Маша отчётливо чувствовала, как молодое сердце колотилось как сумасшедшее, предвещая, что вот-вот готовится очутиться снаружи. Что странно? Её посетило не пронизательное предчувствие чего-то ужасного; напротив, возникло сильное чувство, предвещавшее скорую встречу с кем-то давно утраченным, некогда считавшимся близким, а возможно, и дорогим.

Ни минуты не тратя на глупые колебания, неустрашимая девушка отправилась на лёгонькое сверканье, мельком пробивавшееся сквозь густые древесные насаждения. Постепенно оно становилось ярче, пока не проявились и разведённый костер, и одиноко сидевший мужчина, повернутый к приближавшейся барышне сильной, необычайно могучей, спиной. Услышав позади уверенные шаги, он невольно, еле заметно, вздрогнул – и... сразу же обернулся.

Едва лишь друг поглядев на друга, оба замерли от полной и удивительной неожиданности. Они застыли всего на единственную минуту, но наконец, видимо осознав, что с ними случился не сладостный сон, а полная явь, одновременно и радостно вскрикнули:

– Иван?! – изумилась Вихрева.

– Маша?! – словно эхо, вторил милой подруге Ковров. – Что ты здесь делаешь?

– Долго рассказывать... Если вкратце, за мной гонится толпа отмороженных горе-придурков, желающих моей скорейшей кончины. Но... как ты?.. Здесь? Ведь, сказали, тебя...

– Давай сначала выслушаем, что приключилось с тобой, – обнимая и целуя любимую девушку, произнёс обрадованный спецназовец, – а потом о собственных злоключениях поведаю я.

Позабыв обо всём на свете, полные счастья, они предались греховному наслаждению, возникшему от долгожданной, хотя и нечаянной встречи.

Глава VII. Разговор по душам

Целый час они никак не могли оторваться. Наконец, насытившись обоюдными ласками, двое влюбленных людей постепенно возвратились к печальной реальности. Первым заговорил офицер подразделений специального назначения:

– Давай, Машенька, рассказывай, что произошло слишком страшного и почему ты оказалась в месте необычном, весьма и весьма непривычном?

Собравшись с духом, Вихрева приступила к горестному повествованию, не упуская ни единой детали: она отлично знала, как малейшие подробности важны для опытного военно-служащего.

– Вчера! Некая молодая особа, со странным немецким именем Грета, обманным путём заманила нас с сутенером Андреем, – о развратной жизни она разговаривала с любимым мужчиной без какого-нибудь стеснения, так как он был без классовых предрассудков, – в некое лесное логово, заселённое сплошными бандитами. Им, по-видимому, совершенно нечем заняться, потому что они вдруг решили устроить настоящую «живую охоту».

– Так, здесь понятно, – вмешался Ковров, – завлекли вас вдвоём. Но почему ты одна – что случилось с ним?

– Его участь намного печальнее, нежели чем моя, – продолжала бойкая девушка непривлекательное повествование, – Андрея убили сразу, как только нас привезли.

– Но зачем?! – удивился Иван. – Ведь, ты говоришь, вас заманили для общего «развлечения»?.. Насколько я правильно понимаю, «охотиться» намного заманчивей на двоих беззащитных людей – они же, наверное, тогда ещё не знали о твоих необычайных способностях? – при сказанных словах он бесхитростно ухмыльнулся. – Как правило, мужчины являются гораздо выносливей, чем обыкновенные, слабые девушки... извини, не про тебя будет сказано.

– Я затруднюсь ответить что-либо конкретное. Мне кажется, у них поменялись какие-то главные планы и им потребовалось куда-то срочно спешить. Впрочем, от запланированного «мероприятия» они всё одно отказаться не собирались; нет, их бесшабашный главарь попросту вознамерился немного ускорить тот, по его разумению никчёмный, процесс.

– Который... – лукаво улыбнулся спецназовец, – как представляется, основательно затянулся.

– Да, – с гордостью констатировала смелая барышня, высоко задирая рыжеволосую голову, – я решила принять смертный бой и сражаться до конца, до полной победы! Кстати, восьмерых, из общих тридцати трёх, я уже ликвидировала.

– Интересно? – усмехнулся Ковров. – Значит, усердные занятия не хлынули даром и честь-почести тебе пригодились?

– Конечно! самого первого я убила, метнув в шею простенький ножик. Один попался на хитрой ловушке – натянутой тоненькой леске... Хотя сама я преждевременной кончины тогда и не видела, но, судя по долгой задержке – с какой они прибыли в лесное местечко, где я устроила неявственную засаду, а также предельной осторожностью, с какой они продвигались – можно сделать однозначный и правильный вывод, что установленное приспособление сработало чётко.

– Хорошо. Что дала внезапная западня? И как ты её провела?

– Всё очень просто: нашла небольшую возвышенность, самый обыкновенный холмик, заняла удобную высоту и принялась терпеливо выжидать бандитского приближения. Подпустив нерасторопных преследователей метров на триста, я открыла прицельный огонь. Пока они успели сообразить – чего и почём и что же тут происходит? – и заняли хоть какие-нибудь оборонительные позиции, я успела уложить ажик четверых. Потом, покуда они вели беспорядочную стрельбу, ещё не понимая, откуда на них свалилось большое несчастье, я, пользу-

ясь прикрытием всё того же покатого возвышения, успела успешно скрыться на захваченном «квадрике»... он был экспроприрован в качестве боевого трофея – кстати, у них же!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.